

НАСЛЕДИЕ

Русско-Канадский Культурно-Просветительный журнал

выпуск №6

зима 2009

winter 2009

issue 6

Russian-Canadian Cultural Aid Society magazine

HERITAGE

*Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,*

*Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег...*

А. Среет

Наследие

Культурно – просветительный журнал для тех, кто живет за пределами России, но душою связан с ее культурой, историей и традициями. Наш журнал адресован широкому кругу читателей, поскольку на его страницах отражены разные аспекты человеческой жизни – духовной, культурной и общественной.

Учредители:

Русско-Канадское Культурно-Просветительное Общество и Русско-Канадский Фонд Культурного Наследия им. Марии Николаевны Благовещенской

Под патронажем:

Свято-Троицкой Русской Православной Церкви Заграницей (Торонто)
Русского Православного Собора Христа Спасителя Православной Церкви в Америке (Канадская Архиепископия)

При сотрудничестве:

Русской торговой палаты в Торонто

Главный редактор:

Мария Николаевна Благовещенская

Зам. Главного редактора:

Елена Клинаева

Главный дизайнер, худ. решение, верстка:

Анастасия Кондратьева

Дизайнер:

Алина Клинаева

Корректорская и литературная правка:

русский текст - Ольга Гребенчук

английский текст - Георгий Скок

Перевод:

о. Вячеслав Давиденко

Алина Клинаева

Георгий Скок

Отдел распространения: Ольга Вертлиб

Отдел финансов: Светлана Кокорина

Нам помогли:

Юрий Кондратьев, Людмила Андрейчук

Адвокат:

Виктор Никитин

Обложка:

Времена года, русская тройка «Зима»,

художник Н.Леонова

Компьютерный дизайн обложки:

Алина Клинаева

Heritage

Cultural-Aid magazine for those, who live outside of Russia, but who are spiritually connected to its culture, history and traditions. This magazine is addressed to a wide-range of readers, because it depicts different aspects of human life, like spiritual, cultural and public are depicted.

Founders:

The Russian - Canadian Cultural Aid Society and The Russian - Canadian Cultural Heritage Foundation of Maria Blagoveshensky

Supported by:

Holy Trinity Russian Orthodox Church Outside of Russia (Toronto)
Christ the Saviour Orthodox Cathedral Orthodox Church in America (Archdiocese of Canada)

In association with:

Russian Chamber of Commerce in Toronto

Editor In-Chief:

Maria Blagoveshensky

Assistant Editor:

Elena Klinaeva

Senior graphic designer, Art concept, layout:

Anastasiya Kondratyeva

Designer:

Alina Klinaeva

Proof-reader:

russian - Olga Grebenchuk

english - George Skok

Translator:

Rev. Vyacheslav Davidenko

Alina Klinaeva

George Skok

Distribution: Olga Vertlib

Finances: Svetlana Kokorina

Other contributors of the magazine:

Yuriy Kondratyev, Ludmila Andrechuk

Lawyer:

Viktor Nikitin

Cover art:

Times of the year, Russian Troyka «Winter»,

artist: N.Leonova

Cover page graphics:

Alina Klinaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

«Дела давно минувших дней...»

10 Воспоминания.

ОБЩЕСТВО И БИЗНЕС

«Дом, который построил... ты»

17 Русский Бал в Торонто.

22 Рождество вокруг света.

РУССКИЙ МИР

«Россия - Европа»

24 Федор Иванович Тютчев.

РОССИЯ СЕГОДНЯ

«День за днем»

31 Общее будущее русских диаспор.

34 Ассамблея «Русский мир».

РЕЛИГИЯ

«Азбука Православия»

40 Памяти Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Мы осиротели...

42 Человек Церкви.

44 Впечатления участника курсов по повышению квалификации руководителей и сотрудников паломнических служб Русской Православной Церкви 2007 года.

56 «Мы живем в христианское время...»

58 Вопросы и ответы священника.

60 Азбука Православия.

61 Православный календарь.

ОБРАЗОВАНИЕ

«Через тернии к звездам»

62 Всё начиналось со словаря.

К 225-летию Российской академии.

БЫТ И ТРАДИЦИИ

«Мир вашему дому!»

67 Заигрыш, лакомка, перелом.

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

«Все музы будут в гости к нам»

69 Дар русского мецената.

70 Народная вышивка.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ

«Экслибрис»

77 Молитва алтарника. Святочный рассказ.

83 Поэтическая страничка. Христославы.

АРХИВ ПРОШЛОГО

«Давным-давно...»

84 Анекдоты из жизни монархов.

Случай с Шаляпиным.

85 Почему елочка зеленая.

86 Комната без образа Божия. Два богача.

Юмореска из старого календаря.

TABLE OF CONTENTS

SOCIETY AND BUSINESS

«The House that has been built by... you»

19 Russian Gala Ball.

23 Christmas Around The World.

RUSSKIY MIR

«Russia-Europe»

28 Fedor Tyutchev.

RELIGION

«The Alphabet of Orthodox»

50 Impressions of a participant of a course, presented by the Russian Orthodox Church, to upgrade qualifications of directors and staff of pilgrimage services.

61 Orthodox calendar.

CULTURE AND THE ARTS

«Muses are the guests of yours»

74 National embroidery.

LITERARY CLUB

«Exlibris»

80 The altar boy's prayer. A Christmas story.

Дорогие читатели,

Редакция журнала «Наследие», правление Русско-Канадского культурно-просветительного общества и Русско-Канадского фонда культурного наследия имени Марии Николаевны Благовещенской от всей души поздравляет вас со светлым праздником Рождества Христова и Новым 2009 годом!

Год 2008 был не простой в жизни России, трагические события в Осетии сплотили соотечественников против информационной несправедливости.

90-летие со дня трагической гибели царской семьи, кончина Первоиерарха Русской Зарубежной церкви Митрополита Лавра и Святейшего Патриарха всея Руси Алексия II, особая заслуга которых перед Россией и всем православным миром в преодолении многолетнего раскола Русского Православия. Мы, вдали от нашей исторической Родины скорбим об этом, но есть идея, объединяющая всех нас вне зависимости от границ и расстояний.

Идея нашего великого духовного Отечества, бесценная культурная мощь и идеалы добра, культуры и духовности.

Здоровья, счастья и благополучия Вам и Вашим семьям!

Редакция журнала

В РОЖДЕСТВЕ ХРИТОВАЯ!

«Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение». В Рождество на нашу землю снова приходит свет от маленького Дитяти, рожденного в яслях. Ночь озаряется солнечным светом Божественной Любви, предвещающей рассвет новой надежды и новых возможностей. Ангелы воспевают Рожденному божественный гимн, небеса возведают великое событие чудесной звездой, земля представляет пещеру, род человеческий Матерь-Деву, исполнившую Божественный Совет Всевышнего Бога...

Дорогая, глубоко чтимая, любимая Мария Николаевна!

С христианской радостью мы, насельники возрождаемого из руин Свято-Шроцкого Творожского монастыря, расположенного в далекой глубинке Вашей и нашей родной Псковщины, приветствуем Вас с великим и святым праздником Рождества Христова и шлем Вам наилучшие Рождественские и новогодние пожелания.

От всей души желаем Вам, Вашим друзьям и всем Вашим близким всех благ небесных и земных, ниспосылаемых людям всеблагим и человеколюбивым Богом. Желаем также мира, здоровья и всеяческого благополучия и многая благая лета.

Вашему дивному изданию журналу «Наследие» желаем, чтобы он стал известен и читателям Российской Федерации, а особенно в нашем дорогом городе-памятнике Пскове. Приглашаем Вас со всей Вашей редакционной коллегией в паломничество в наш монастырь, дивно спрятанный Божественным промыслом от проезжих дорог.

Да благословит Вас Родившийся Богомладенец и да пошлет Вам Свои богатые милости в новом году.

Христос Раждается, славите!

Христос с Небес, срящите!

С любовью о Христе

*настоятельница Свято-Шроцкого Творожского монастыря
схимонахиня Василисса с сестрами и грешной Валерией,
которая коленопреклонно просит прощения и милости Вашей.*

Рождество Христово, 2009, бережня Творожкова

Воспоминания

Продолжение, начало в № 1, 2, 3, 4, 5

Наступила Пасха, Светлый праздник, а в душе у меня – пусто и тоскливо. Вообще, всё, что происходило со мной в это время, очень смутно. Общее отступление немцев, суэта окружающих людей, сменяющие друг друга события и дни, – всё это мчалось мимо меня, не задерживаясь в моём сознании и памяти совершенно. В своём уголке за печкой я забывалась сном на несколько часов, а утро не приносило ни покоя, ни надежды. Внутренне, подспудно я понимала, что нужно, как можно скорее покинуть места, связанные с трагедией, постигшей моих близких и меня, но физически я ничего не могла предпринять, как будто я была без сознания. Мне казалось, что я работала в госпитале, по меньшей мере, несколько месяцев, а на самом деле прошло всего лишь несколько дней. Ощущение времени полностью отсутствовало...

У старосты собрались гости, праздновали Пасху. Среди гостей был молодой человек, очень приятный внешне, какой-то инспектор; вероятно, староста зависел от него, поскольку, как ни с кем, был с ним очень любезен. Ему рассказали обо мне и о постигшем меня горе. Инспектор подсел ко мне и весь вечер разговаривал со мной, утешал, рассказывал о себе, о своей маме. Он был так мягок, обходителен, так сочувствовал мне, что я как-то успокоилась, впервые после смерти родных. Я поверила в его доброту, сочувствие и любовь к матери. Но весь вечер я ловила злобные взгляды сына

старосты. Меня это удивляло и немного тревожило.

Пришло время расходиться, остались только хозяйва, я и инспектор. И вдруг хозяин говорит, что я не могу оставаться на ночь и должна уйти. Делать нечего, я собрала свой узелок, чтобы идти в госпиталь. Но инспектор тут же предложил устроить меня в своей канцелярии. Я отказывалась... Куда подевалась его обходительность, вежливость и сочувствие – всё обернулось грязными домогательствами. Меня спасла только ревность сына старосты. Схватив свои пожитки и не ожидая исхода событий, я со всех ног бросилась бежать в госпиталь. Очередное горькое разочарование в людях, вероятно, стало последней каплей, выведшей меня из моего состояния летаргии и вернувшей мне способность принимать решения и действовать. Нужно было, как можно скорее выбираться из Сенно.

Все последние месяцы мама убеждала меня уехать на работу в Германию — она понимала, что с приходом Красной Армии мы будем подвергнуты репрессиям уже хотя бы за то, что жили и работали на оккупированной территории. Никто не стал бы разбираться в том, как бы мы смогли прожить, выжить, не имея никаких иных средств к существованию, кроме какой-то работы. Ведь и эвакуироваться могли далеко не все — в семьях оставшихся, как правило, были больные, старые, немощные, не способные куда-то бежать. Уже в Сенно, перед смертью, мама с бабушкой опять уговаривали меня уехать, но я не могла и подумать о том,

чтобы оставить свою маму и парализованную бабушку.

Я знала, что дядя Сеня со своей семьёй к тому времени жил уже в Риге и преподавал в гимназии, и я решила пробираться поближе к ним. Устроившись на работу на склад, с которого каждый день отправлялись вагоны с каким-то оборудованием, через несколько дней, я и ещё три женщины должны были сопроводить груз в Ригу, и там продолжить работу, связанную с разгрузкой вагонов.

От Печор до Риги ехали целую неделю, находясь в одном из товарных вагонов с оборудованием, подолгу стояли на запасных путях, не мылись; в довершение всего, я подхватила чесотку. По прибытии на место, первую ночь я провела там же, на складе, куда были доставлены наши вагоны. А на утро, в потрёпанной одежде, немывая, со слипшимися волосами, я и явилась к дяде Сене и тётё Варе. Они жили вместе с Расей и Костей в маленькой двухкомнатной квартирке. Мой вид настолько испугал их, особенно тётю Варю, что на следующий же день дядя Сеня предложил мне ехать поступать на курсы пропагандистов РОА – Русской Освободительной Армии. Представителем РОА в Риге был полковник В.Поздняков, встреча и знакомство с которым произошли гораздо позже, уже в Канаде, в конце 60-х годов.

Центр регистрации, или лучше выразиться, записи добровольцев, желающих вступить в РОА, находился в Риге, и, по всей вероятности, дядя Сеня сам меня и записал, поскольку я не помню, чтобы мы куда-то ходили. В этот же день дядя Сеня проводил меня в дом священника, дочь которого тоже отправлялась на эти курсы. Всё произошло довольно стремительно и, пожалуй, без моего активного вмешательства в решение моей дальнейшей судьбы.

К тому времени, немцы решили несколько смягчить политику в отношении военнопленных и рабочих, насильно перемещённых на запад с оккупированных территорий СССР. Идеей и целью курсов РОА, на которые мне предлагалось поступить, была подготовка кадров для оказания любой возможной помощи людям, находящимся в лагерях на территории Латвии, разъяснение ситуации, в которой они окажутся с приходом Красной Армии. Многие прекрасно понимали, а некоторые только догадывались, чем им грозила сдача в плен немцам и работа, в общем-то за кусок хлеба, чтобы не умереть от голода. Но, конечно, были и люди, которые свято верили в освобождение Красной армией, но таких было не так много. И, всё же, главной задачей этих курсов была подготовка кадров для постоянного взаимодействия с немецким руководством лагерей, с целью улучшения условий содержания наших соотечественников в лагерях рабочих и военнопленных.

Я не видела никаких иных для себя перспектив и возможностей, и, чтобы никому не быть в тягость,

согласилась. Записавшись добровольцем в Русскую Освободительную Армию, очередное решение, круто изменившее мою семнадцатилетнюю жизнь, было принято.

Последнюю ночь в Риге я провела в доме священника, дочь которого ехала вместе со мною на курсы. Вечером собралась молодёжь. Среди гостей оказался и Рася, мой двоюродный брат. Я выглядела, видимо, настолько неприглядно, что Рася не захотел признаться ни в родстве, ни в знакомстве со мной. Больше с ним я уже никогда не виделась. Правда, позже я получила несколько писем из Риги, в которых он извинялся за свой поступок.

Кстати, этим же вечером мы узнали о гибели митрополита Сергия Воскресенского. Сначала говорили, что он был убит партизанами, но позже выяснилось, что не обошлось без участия немецкой контрразведки. Очевидно, немцы рассчитывали, что Православная Церковь и, в частности, Православная Псковская миссия будут средством контроля над русскими людьми, но случилось совсем наоборот: экзархат и его глава, митрополит Сергий, становились всё более независимыми, самостоятельными и влиятельными, что было, я думаю, для немцев неожиданным и довольно неприятным поворотом событий. К примеру, финансирование, то есть, содержание Псковской миссии осуществлялось исключительно за счёт пожертвований прихожан, объединившихся вокруг вновь открывшихся храмов, а священники-миссионеры никакого жалования не получали.

«С ростом миссии ухудшались отношения митрополита Сергия с немцами, такой успех в их расчёты не входил. Весной 1944-го г., когда многим был ясен исход войны, ... – 28 апреля экзарх митрополит Сергий был убит. Машина, в которой он ехал по пути из Вильноса (Вильно) в Ригу, была расстреляна на шоссе близ Ковно людьми в немецкой военной форме. С ним были убиты его шофер и двое сопровождавших. Расследование было крайне поверхностным. Официально объявили, что митрополит убит партизанами, однако официальные документы немецкого министерства, занимавшегося вопросами Церкви в оккупированных областях, по мнению исследователей, скорее свидетельствуют об убийстве его агентами гестапо.» (Псковский Синодик, стр.633)

Утром 29 апреля мы выехали из Риги.

Курсы располагались в городке Лигат (теперь Лигатне), в замке, окруженном большим парком. Руководителем курсов была баронесса фрау де Смет.

Я уже знала, что курсы эти были организованы только для девушек, поскольку одним из направлений работы с населением лагерей было оказание реальной человеческой бытовой помощи: помочь женщинам убрать, помыть полы, приготовить еду, постирать – оказать посильное внимание и, насколько возможно,

защитить, отстоять хоть какие-то права этих несчастных и обездоленных людей. Не стоит забывать, что работа в этих лагерях была единственной возможностью выжить, не умереть от голода, спасти своих детей. Мы встречали иногда семьи, которым начальство разрешало поселиться вместе; дети не работали вместе с родителями, поэтому помощь в присмотре за ними тоже была необходима, хотя это и бывало довольно редко. Но всё это – только в будущем. А пока, мы с моей спутницей, в тот же день, 29 апреля 1944 года прибыли в Лигат.

Нас ожидал не замок, а небольшой дом, переоборудованный под барак, и состоявший из нескольких комнат-отделений. Войдя в дом, мы оказались на кухне, где в тот момент несколько женщин готовили еду. Они направили нас в другое отделение, где навстречу нам поднялась стройная, статная дама, с высокой, красиво уложенной причёской, в строгом тёмном костюме, лет 45-47-ми. Это и была фрау де Смет. Она обратилась к нам по-немецки. Мы обе владели языком и без особого промедления представились. Вопросов особых нам не задавали, поскольку мы были зарегистрированы ещё в Риге, и о нас уже было известно.

Интересно, что к этому моменту я всё ещё не имела никаких документов.

Позже, фрау де Смет познакомилась с каждой из нас, расспросила о семье, о прежней жизни. Она расположила всех к себе искренним вниманием и сочувствием, и я впервые смогла рассказать о смерти бабушки и мамы. Эта встреча, возможность поделиться своими переживаниями и горем, сняли с меня тяжесть, которую я всё это время несла в своей душе, и я, наконец, заплакала... и плакала по ночам две недели. Фрау де Смет, узнав об этом, приходила ко мне каждый вечер и разговаривала со мной, утешала меня.

На всю жизнь она осталась для меня образцом поведения. Это и манеры, и внимание к людям, и отношение к работе... Был такой случай: меня назначили мыть уборные; мне очень не хотелось это делать, было противно и обидно, что мне досталась такая работа; я стояла с ведром и шваброй и плакала. И тут ко мне подошла фрау де Смет и спросила, почему я плачу. Я

ответила, что должна мыть туалет, но никогда этого не делала, не умею, и считаю эту работу унижительной. Та, ничего не отвечая, сняла шубу, отдала её мне, молча взяла швабру и, засучив рукава, за 15 минут перемыла все туалеты. После этого она вновь обратилась ко мне и спросила: «Посмотри, изменилась ли я?» Я с удивлением ответила, что нет. «Так вот, – сказала фрау де Смет, – никакая работа не может унижить человека», – и ушла. Более назидательного урока у меня в жизни

не было. Я всегда с благодарностью вспоминаю фрау де Смет, и она, я думаю, тоже чувствовала мою любовь и уважение к ней.

С утра мы слушали лекции, но я мало, что понимала из того, что нам преподавали. Помню только, что было два офицера РОА, которые нам читали эти лекции. Все как-то сторонились меня, и я сидела одна в уголке, совершенно не вникая в суть преподаваемого. Причина была проста. Сразу по прибытии, я, пожалуй, впервые за долгое время, попала в баню. Тут-то и выяснилось, что я больна чесоткой. Меня отправили в больницу, а там, установив причину, доктор снабдил меня дегтярной мазью. Лекарство оказалось очень эффективным медицинским средством, поскольку буквально через

Фрау де Смет, военные годы

несколько дней я уже не чувствовала такого страшного зуда, но запах...Запах от этой мази был настоящим химическим оружием! Никто ко мне на пушечный выстрел не приближался, включая преподавателей.

После перерыва на обед, мы слушали ещё одну лекцию, и так продолжалось в течение двух месяцев.

Нам рассказывали о А.А.Власове, о его организаторской деятельности, как лидера РОД – Русского Освободительного Движения; о жертвах репрессий в Советском Союзе до войны, но я это прекрасно знала на примере всех своих родных. Нас, как и многих других, это коснулось непосредственно и очень жестоко. О Власове я знала немного. Помню только, что в 1943 году он приезжал во Псков для встречи с местным населением, но ни я, ни мои близкие там не были. Ещё мне было известно, что в окрестностях Пскова, недалеко от нашей деревни, в деревне Стремутка несколько месяцев находилось подразделение РОА. Они ходили в белых кителях, со значками РОА на рукаве, напоми-

ная местным старичкам, вероятно, дореволюционную Российскую армию. Никаких военных действий они не вели, ни на фронте, ни в тылу. В частности, в борьбе с партизанами, насколько нам было известно, это подразделение задействовано не было.

Таковыми были мои краткие соприкосновения с представителями РОА и довольно отрывочные сведения о ней, а подробности организации РОД мне вообще были неизвестны.

Как я уже писала, одной из основных задач выпускниц этих курсов была помощь в переговорах между рабочими и представителями немецкого командования, чтобы хоть как-то улучшить условия жизни людей. Мы все владели немецким языком, и сами шли к немцам с просьбами, в первую очередь, о медицинской помощи и другим вопросам. На курсах нас обучали, как вести себя с представителями немецкого командования, но я, по-моему, ничему не научилась и очень часто лезла в бутылку.

Подробностей и каких-то особых деталей моего обучения я припомнить не могу; вероятно, я всё ещё находилась в состоянии шока. Каждую ночь я плакала и не могла успокоиться, а на лекциях всё как-то проходило мимо меня.

Наконец, курсы были окончены, и нас перевели в другой городок под Ригой, и уже оттуда мы выезжали в лагерь при фабриках, заводах, аэродромах и т.п., где работали русские. Вокруг Риги было довольно много таких лагерей, куда нас направляли.

Некоторые поездки ограничивались одним днём – мы осматривали бараки, и, если условия жизни были удовлетворительными, мы отправлялись в следующее расположение.

Я находилась в распоряжении зондер-фюрера, немца, который прекрасно понимал и говорил по-русски. По всей вероятности, он был балтийским немцем. Мне было известно только то, что отец его воевал в русской армии во время Первой мировой войны. Кстати, таких, как этот зондер-фюрер, было в РОА довольно много.

Запомнилась одна из поездок в лагерь при аэро-

дроме, где работало много русских, – их хорошо содержали, и к руководству лагеря особых претензий не было. Там даже иногда устраивались концерты. В один из приездов нас пригласили на такой концерт. Молоденькая немка, в профессиональном артистизме которой мог бы усомниться любой, объявила, что «покажет немецкую культуру». Почему-то именно эта фраза задела в моей памяти. Содержание игривой песенки в её исполнении было довольно незамысловатым: господин доктор сказал, что он не мог целоваться, потому что у него было слабое сердце... И всё это сопровождалось некоей претензией на танец, если так можно было назвать довольно пошловатые телодвижения молодой артистки. По-моему, настроения это выступление никому не подняло. Более того, было очень неприятно всё это наблюдать. «И это – немецкая культура?», – спросила я с удивлением у молодого офицера, сопровождавшего нас в лагере. Он был явно сконфужен и даже не пытался что-либо возразить; вероятно ему тоже было не по себе при отождествлении увиденного с великой немецкой культурой.

Совсем иное впечатление произвела поездка на одну из фабрик, там мы прожили около двух недель. Условия были ужасными – было очень голодно, грязно, много больных. Мы ежедневно вели переговоры с

руководством об улучшении условий жизни и работы; с энтузиазмом что-то мыли, стирали, ухаживали за больными, покупали продукты...Сами рабочие, видя нашу форму, принимали нас сначала очень настороженно, не понимая, кто мы такие и что мы из себя представляем, совершенно не понимая роли РОА в их жизни и судьбе. Но позже они привыкли к нам и относились довольно дружелюбно.

Мы убирали и чистили вдвоём с моей спутницей, когда все уходили на работу. Одна из женщин оставалась в бараке, и всё время за нами наблюдала. Мы старались заниматься своим делом, но взгляд этой женщины, казалось, сопровождал все наши действия. Как-то всем им поначалу не верилось, что мы просто оказываем посильную человеческую помощь. Но

Фрау де Смет, после войны

вскоре отношение изменилось. Женщина, о которой шла речь, не могла работать из-за больной ноги. Я решила пойти с ней к офицеру и просить об оказании медицинской помощи и хоть какого-то лечения. Почти постоянно рядом был представитель РОА, русский из Риги, посланный в этот лагерь вместе с нами. Немец выслушал нас и отказал. Нам пришлось уйти ни с чем, но мы возобновили свой поход на следующий день. Это продолжалось несколько дней подряд. По-моему, как только я появлялась на пороге, он готов был меня побить. Но, очевидно, наличие нашивок РОА его всё-таки останавливало.

Пожалуй, я слишком горячилась и вела себя неосторожно, но совершенно этого не замечала. Кстати, наблюдая один из наших визитов к начальству, наш сослуживец сказал мне: «Ты, всё-таки, будь поосторожней, а то тебя побьют...» Но в результате, помощь моей подопечной была оказана, и это было моей маленькой победой. А когда мы уезжали, все с нами попрощались, как с родными. Конечно, время для общения у нас было очень ограниченным, но, всё же, наши представители пытались донести хоть какую-то информацию о Власовском освободительном движении. Несомненно, что такое человеческое общение вызывало взаимное уважение. Я думаю, немало людей, находившихся в таких лагерях, впоследствии переправленных в Германию, стали резервом РОА. А тогда у меня сжималось сердце от сознания того, что они совершенно не представляют себе, что будет с ними с приходом Красной Армии, какая печальная участь их ожидает.

Сентябрь 1944 года. Снова началось отступление немцев, мы вернулись в Ригу, но вскоре должны были двигаться дальше, вместе с отступающей армией. К этому времени, я уже давно избавилась от своей противной болезни, чистая, прилично одетая, пришла к

дяде Сене и тётке Варе поздороваться и попрощаться, сказать, что уезжаю, не знаю куда. Они тоже не знали, что их ждёт впереди... Мы увиделись снова только через 11 лет, уже в Нью-Йорке.

Вскоре я оказалась в Германии, сначала в Штеттине, потом в Кенигсберге, большом, старинном и очень красивом городе. Трудно было себе даже представить, во что превратится этот город всего лишь через несколько месяцев. Мы прожили в нём около 3-х месяцев, занимались, главным образом, тем, что встречали беженцев, организовывали им отдых, пересадку, отправку дальше, вглубь Германии.

В Кенигсберг нас вывезла фрау де Смет. Разместились мы в большом доме в центре города, но заняли всего лишь несколько помещений на нижнем этаже. В одной комнате стоял ряд двухъярусных кроватей, на которых все мы, 15 человек, размещались на ночь. Я спала на верхней кровати, и очень часто оттуда падала, особенно во время ночных тревог, сопровождавшихся громкими сиренами, за что мои соседки подсмеивались надо мной. У фрау де Смет была отдельная маленькая комната. После окончания курсов, она, в общем, руководила нашим небольшим подразделением. Наши близкие доверительные отношения продолжались. Мы часто разговаривали, и эти краткие минуты нашего общения приносили мне ощущение того семейного тепла, которого я, казалось, была лишена навсегда после гибели мамы и бабушки. Признательность за ту трогательную заботу и внимание, с которым фрау де Смет отнеслась ко мне во время наших первых встреч, я храню в своём сердце по сей день.

Однажды фрау де Смет взяла меня с собой в гости к некоему важному высокопоставленному лицу, полковнику Х. Узнав мою фамилию, полковник спросил, нет ли у меня дяди. Я сказала, что есть, имея в виду дядю Сению. Тогда полковник сказал, что хорошо знаком с моим дядей, и что он живёт в Швейцарии(!)

На том разговор и закончился. Я была в полном недоумении – как мог дядя Сеня за такое короткое время оказаться в Швейцарии, да ещё хорошо познакомиться с этим полковником? Через неделю я снова с ним встретилась, и он радостно сообщил, что написал письмо моему дяде о нашей встрече. Ещё через неделю я получила письмо от самого «дяди», письмо было

написано по-русски. Оказалось, что это известный шахматист Ефим Боголюбов, играющий за Германию, что живёт он в Швейцарии и рад узнать о том, что у него есть племянница, хотя никогда о ней не слышал, но готов быть дядей и помочь, если надо. Я ответила ему, поблагодарила за предложенную помощь, а также рассказала историю возникновения моей фамилии, разяснив таким образом возникшее недоразумение. На этом наша переписка и кончилась.

Всё основное время мы работали на вокзале, с раннего утра и до позднего вечера. С каждым днём поток людей, передвигавшихся на запад, увеличивался. В один из таких дней, в моё дежурство (иногда мы работали посменно), привезли группу из 7-ми пленных советских лётчиков. Их самолёт был сбит, и все они попали в плен. Им нужен был переводчик, и меня пригласили, хотя я совершенно не помню, чтобы я им что-то переводила. На мне была форма РОА, тёмно-зелёный костюм с нашивкой на рукаве, но в этот раз на моей руке с нашивкой была специальная повязка, которая давала мне право свободного передвижения по железнодорожной станции. Когда я подошла к группе лётчиков, моя повязка упала, и они увидели нашивку РОА. Сначала они спросили, что означает эта нашивка. Я объяснила, что служу в Русской Освободительной Армии. И тут на меня посыпались... громы и молнии. Я молча стояла и ждала, когда всё это кончится. Наконец, они выговорились, и я с достоинством (девчонка – перед боевыми офицерами) сказала, что я не предатель, а освободитель Родины от сталинского режима... Потом, совершенно без перехода от политического монолога, я предложила им поесть и попить. Они были ошеломлены, но поесть согласились сразу. Через какое-то время к нам подошёл сопровождавший пленных конвой и увёл их. Напоследок, один из них спросил меня: «И много тут вас таких «освободителей»?» Я с гордостью ответила: «Очень много!»

Насколько серьёзно они восприняли меня, как члена Русского Освободительного Движения, судить не приходится, но на прощанье они помахали мне рукой...

Мой рассказ об этих пленных кажется невероят-

ным. Но... отношение к русским пленным в конце 1944 г. резко изменилось, в частности, благодаря протестам генерала Власова, как главы РОД, для которого русские офицеры и солдаты были возможными участниками РОА.

В Кенигсберге я пережила две страшных бомбардировки; за два дня центр города был уничтожен; по улицам бегали львы, сбежавшие из разрушенного зоопарка. Не знаю, сколько жителей погибло во время этих бомбардировок, но над городом много дней стоял трупный запах, убирать тела погибших было некому.

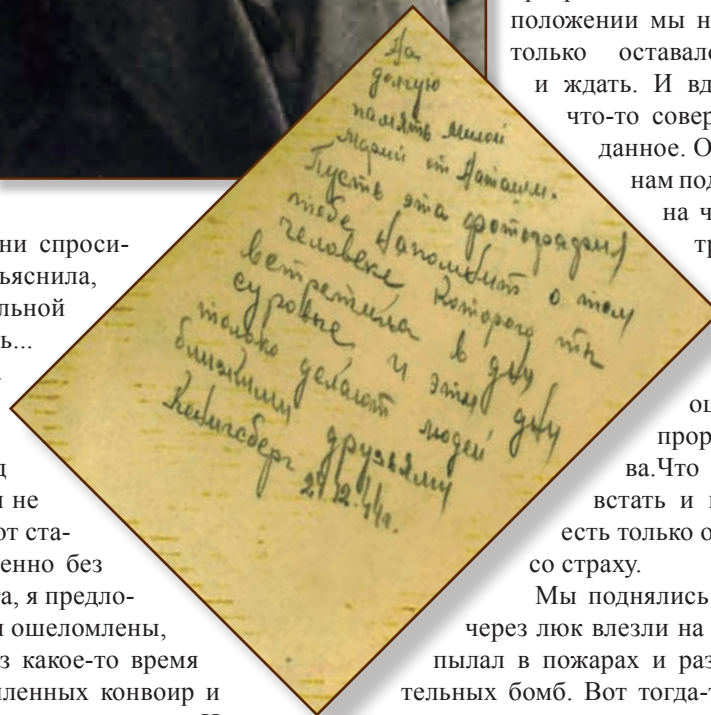
Во время второй бомбардировки, которая тоже была ночью, нам всем было очень страшно ещё и от того, что мы уже видели результат прямых попаданий в здания, откуда никто уже не выходил. Спасать людей из-под завалов тоже было некому.

Единственным человеком, не показывавшем страха на своём лице, была фрау де Смет. Она прекрасно понимала, в каком положении мы находимся. Нам только оставалось молиться и ждать. И вдруг случилось что-то совершенно неожиданное. Она предложила нам подняться наверх, на чердак, и осмотреть сверху город. Никто из присутствующих, находясь в оцепенении, не проронил ни слова. Что меня подвигло встать и пойти – этому есть только одно название – со страху.

Мы поднялись на 5-ый этаж, через люк влезли на чердак – город пылал в пожарах и разрывах зажигательных бомб. Вот тогда-то я и увидела мечущихся среди огня животных.

Бомбили нас часа четыре. Наш дом и два соседних остались стоять, окруженные руинами. Стало заметно, что бомбардировка удалялась в направлении к западу, и вскоре мы спустились вниз, успокоив всех, кто там оставался.

На утро мы опять направились на вокзал, на работу.

И тут я стала свидетелем сцены, которую вы не могли бы увидеть нигде в целом мире, а только в Германии: пожилая женщина в белом переднике подметала дорожку, ведущую к её полуразрушенному дому... Впечатление было настолько ошеломляющим, неожиданным и не совместимым со всем тем, что происходило вокруг. Эта сцена врезалась в мою память ярким и незабываемым воспоминанием. Была во всём этом какая-то потрясающая вера и надежда в завтрашний день...

В Кенигсберге судьба меня свела с девушкой, которая вместе со мной была на службе в РОА. Звали её Зоя, была она на несколько лет старше меня, лет на пять-шесть, но какая это была для меня существенная разница в возрасте, мне она казалась очень взрослой, хотя это и не мешало нам быть друзьями. Мы всегда спорили, о чем, уже не упомню, очевидно, были очень близкими душами. В один из свободных вечеров мы пошли с Зоей в кино. Фильм был очень сентиментальный («Золотой город», о событиях в Праге), и мы весь фильм и по дороге домой проплакали, сопереживая героям киноленты. Наши судьбы такой жалости и сочувствия ни у кого не вызывали, хотя и в нашей жизни произошло много такого, над чем можно было бы поплакать. Но мы были молоды, и, казалось, вся жизнь была впереди...

Зоя повстречала молодого человека, который был членом Украинского Освободительного Войска, отношения развивались стремительно, и очень скоро они решили пожениться. Шёл Рождественский пост, но, вероятно, война и всё то, что с нами происходило и могло произойти, дало возможность батюшке их обвенчать. Я была на их свадьбе шаферицей. Гостей было всего

человек пять. После венчания молодые были устроены в малюсенькой комнате рядом с нами. Было это 30 декабря 1944 года. Насколько мне известно, выехать из Кенигсберга они не успели...

За несколько дней до Нового Года в город прибыли представители РОА. У нас был большой стол, за которым все могли разместиться, поэтому решено было встречать Новый Год всем вместе у нас. Среди офицеров РОА был Сергей Васильевич Кононов, русский эмигрант из Риги. Через несколько лет мы встретимся в Канаде, будем вместе работать в Русском культурно-просветительном обществе, которым он будет руководить, а позже мы станем кумовьями, но... в тот вечер 31 декабря 1944 года мы ничего этого ещё не могли знать. 24 декабря мне исполнилось 18 лет, и меня опять поздравляли с днём рождения – все веселились и на какое-то время забыли, что шла война...

Наступил новый 1945 год, и 1-го января фрау де Смет предложила мне ехать в Берлин, пока одной, и опять она спасла мне жизнь; на вокзале – столпотворение, все бегут из города, в вагон меня втащили через окно. Позже я узнала, что это был последний поезд на запад, избежавший окружения. В это время Кенигсберг был практически окружен, готовился его штурм, и дальнейшая эвакуация из города шла морем, что тоже было крайне опасно. Фрау де Смет выбралась на корабле. Вскоре мы встретились с ней в офицерской школе пропагандистов РОА в Дабендорфе, где начался ещё один этап моей жизни.

Продолжение следует...

М.Н.Благовещенская

Русский Бал

в Торонто

Балы в 19 веке были излюбленным развлечением публики - как великосветской, так и мещанской, и даже крестьянской. Балы давали все - соразмерно со своими средствами и возможностями. Бал давался в связи с обручением, именинами, рожденьями детей и другими событиями. На бал приглашались политические деятели, писатели, военные и представители «высшего света».

Бал - это красивые наряды, галантные кавалеры, страстные мазурки, бурные польки, сменяющиеся торжественным полонезом и стремительным вальсом, захватывающим дух танцующих.

В Торонто на протяжении 58 лет представители Русско-Канадского культурно-просветительного общества хранят традиции русских балов, вот и 7 ноября 2008 года состоялся 58-ой благотворительный «Осенний Русский Гала Бал». Русское общество несёт в основе своей деятельности сохранение русских традиций, языка, культуры в Канаде, а также объединения русских людей за границей. Проведение благотворительных балов яркое тому подтверждение. Бал - это не только красивая публика, прекрасная музыкальная и танцевальная программа, великолепный ужин, важные гости, но и представление дебютанток бала, награждение видных общественных деятелей русской общины.

Значение благотворительных русских балов велико, оно даёт возможность общения, новых знакомств, молодому же поколению - чувство сопричастности со своими традициями, а нашим канадским англоговорящим друзьям даёт возможность познакомиться поближе с русской общиной, традициями и культурой русских людей, проживающих в Торонто.

Присутствие на балу важных персон говорит о том, что интерес к русской общине в Канаде большой. Русские - это категория людей образованных, целеустремлённых, с большим творческим потенциалом.

Представители Русско-Канадского культурно-просветительного общества активно работают над созданием в Торонто русского культурного центра, проводя разные благотворительные проекты, и все желающие, кто хочет внести свой вклад в осуществление этого замысла, могут присоединиться к русскому обществу и внести свой вклад в развитие нашего общего дела.

Елена Клинаева

«The House that has been built by... you»

Russian Gala Ball

List of Debutants

Anastasia Pavlen

Nina Kniazeva

Alena Cheina

Ksenia Guletina

Anastasia Nelyubina

Katerina Gaidamka

Sofia Egutkina

Yana Pojarina

Alexandra Shiskov

Natalia Sorokina

Russian Gala Ball

Toronto

The traditions of the Ball were especially loved and followed back in the 19th century, where the public of all sorts, from peasants to royals desired to be at this festive event of elegance and style. A Ball was a magnificent opportunity for anything to happen to anyone, organization of such an event could also be to commemorate a special occasion such as an engagement, anniversary, a birth of a child or other important occasions. People invited to the Ball were generally of a higher rank, such as political figures, writers, soliders and army officials, and other members of the «elite society». The Ball- beautiful dresses, handsome gentlemen, passionate dance, outrageously spontaneous polka, mixed with the subtle melancholic polonez, coupled with the elegant waltz.

For over 58 years now in Toronto, the Russian-Canadian Cultural Aid Society preserves the traditions of the Russian Ball and on November 7, 2008, commenced the 58th annual fall fundraiser known as «The Russian Gala Ball». The Russian community takes great pride and responsibility upon preserving not only the various Russian traditions, but also the language, culture in Canada and a willingness to unify the public with the community upon organization of further wonderful events.

This event is not only a beautiful crowd, fantastic music and amazing dance performances, but it is also a delicious dinner, important guests, a presentation of debutants and a recognition for people involved in the making and proceeding of the Russian community. This

special event is not only a tradition that has been built in the culture, but it is also an opportunity for communication with new people and especially an opportunity for youth to be brought closer to their traditions and share them with English-speaking friends. The presence of important people and members of the elite society shows an interest towards Russian culture in Canada, recognizing that Russian people- are people of intelligence, self-determination, will power and big potentials in the arts.

Representatives of the Russian-Canadian Cultural Aid Society, actively continue working on creating a Russian Cultural centre in Toronto, by organizing fundraiser events. Any persons interested in contributing to this noble cause, can donate and are most welcome join the Society in organization of such interesting events.

Elena Klinaeva

Russian Gala Ball

Honourable mentions

Left to right: I. Traykovich and A. Shiskov

I. Traykovich

We honour I. Traykovich for his dedication to the Russian community, from the beginning, in the dance group Polyanka. His participation and efforts in the RCCAS and the Russian Glada Ball committee is truly a sign of remarkable devotion.

A. Shiskov

Ever since his participation in the dance group «Polyanka», A. Shiskov has actively participated, devoted and contributed his time to the Russian community and helped initiate the Russian Gala Ball committee since 1996. We honour him for his hard work and adherence towards the community.

Russian-Canadian Cultural Aid Society

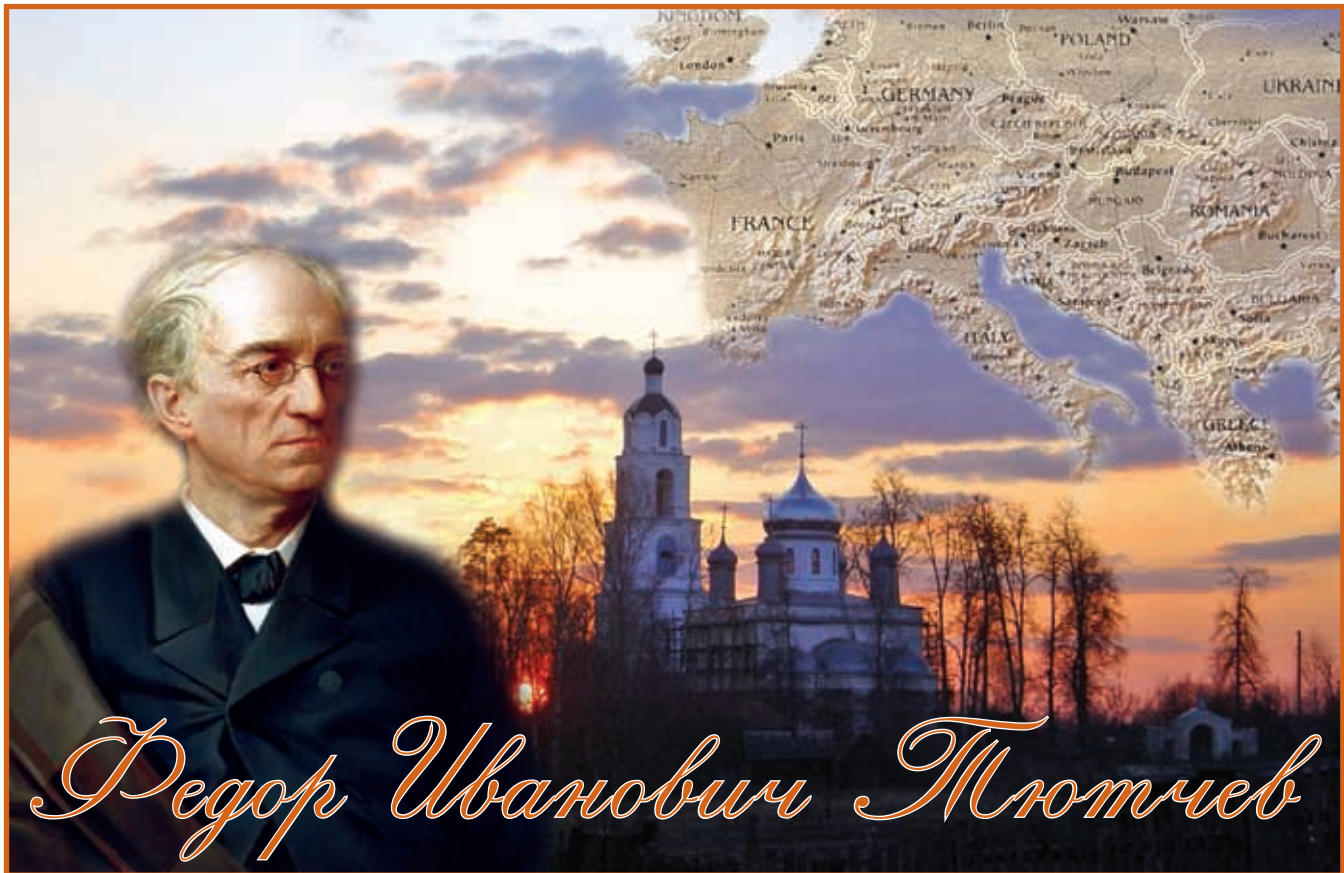

Мерия Тторонто, 6-7 декабря 2008

Рождество вокруг света

Россию представляло Русско-Канадское культурно-просветительное общество

**ФЕДОР ТЮТЧЕВ:
ПОЭТ, ДИПЛОМАТ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПУБЛИЦИСТ
(К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.И. ТЮТЧЕВА)**

Фигура Федора Ивановича Тютчева - явление в культурной жизни России важное и особенное, но малоизученное. Поэтому его биография еще состоит из загадочных и малоизученных фактов. Человек высокого духа и мысли, Тютчев, и через двести лет нам интересен, доступен и понятен. Он сегодня - наш современник. И, несомненно, еще долго будет современником не для одного поколения людей живущих на этой планете.

5 декабря 2008 года исполнилось 205 лет со дня его рождения и наш долг вспомнить об этом замечательном поэте, дипломате, философе, публицисте, гражданине и патриоте России.

Он родился 23 ноября/5 декабря 1803 года в родовитой дворянской семье, в селе Овстуг, расположенном у реки Десны, сорока верстами выше г. Брянска, входившего в это время в Орловскую губернию.

Первоначальное образование он получил под руководством С. Раича. Увлекаясь классической поэзией, рано начал писать стихи. В 1821 году окончил отделение словесности Московского университета. Затем стал дипломатом, служил в русской миссии в Мюнхене (1822-37) и Турине (1837-39).

Как «русский выходец из Европы», Тютчев был связан с ней духом и родством (обе его жены происходили из немецких аристократических фамилий). Восприимчивость к новейшим достижениям европейского интеллекта сочетались в нем с исключительной чуткостью к судьбе России. После отставки поэта с дипломатической службы и возвращения поэта из Европы (1848), его славянофильские симпатии усиливаются. При этом, обращая свое пристальное внимание к России, русский мыслитель прежде всего стремится показать, что Рос-

сия не противостоит христианскому Западу, а является его «законной сестрой», правда живущей «своей собственной, органичной самобытной жизнью».

В своей дипломатической деятельности поэт активно служил интересам России, в то же самое время критикуя вредоносный для интересов страны курс министра К.В. Нессельроде. Кроме этого, он раскрывает вредную политику иезуитов и папства в судьбах народов Европы и мира. В своих депешах и записке царю, он призывает его к тому, чтобы внешняя политика страны соответствовала интересам России и успешно бы противостояла экспансии со стороны Запада (в том числе и Римской церкви). Также в своих дипломатических депешах Тютчев критикует суть тогда еще молодого государства - США.

В 1839 году дипломатическая деятельность Тютчева внезапно прервалась, но до 1844 года он продолжал жить за границей. Однако, в августе 1843 года опальный Тютчев по делам прибыл в Петербург. А уже 7 сентября знакомая Тютчева Амалия Крюденер в своем петербургском поместье устраивает ему встречу со всеильным начальником III отделения А.Х. Бенкендорфом. Между ними проходит продуктивная многодневная беседа (в том числе и в поместье Бенкендорфа). Итогом этих встреч стала поддержка всеильного чиновника и царя всех инициатив Тютчева в работе по созданию позитивного облика России на Западе через участие в этой работе крупных зарубежных интеллектуалов и политиков. Более того, Тютчеву дали добро на самостоятельное выступление в печати по политическим проблемам взаимоотношений между Европой и Россией.

Подобная активность Тютчева не осталась без внимания. Вернувшись в Россию в 1844 году, он вновь поступил в министерство иностранных дел (1845), где с 1848 года занимал должность старшего цензора. Совсем не печатая в эти годы стихотворений, Тютчев выступает с публицистическими статьями на французском языке: «Письмо к г-ну доктору Кольбу» (1844), «Записка царю» (1845), «Россия и революция» (1849), «Папство и римский вопрос» (1850), а также позднее, уже в России написанная статья «О цензуре в России» (1857). Две последние являются одними из глав задуманного им под впечатлением революционных событий 1848-49 гг., но не завершеного трактата «Россия и Запад».

Тютчев писал свои статьи и незавершенный трактат как до, так и после революций, всколыхнувших Европу - во Франции, Германии, Австро-Венгрии. В них он оценивает ситуацию, сложившуюся в Европе как до, так и после отмеченных событий.

Большой интерес Николая I вызвала анонимно опубликованная Тютчевым брошюра «Россия и Германия» (1844). Эта работа была предоставлена императору, который, как сообщил родителям Тютчев, «нашел в ней все свои мысли и будто бы поинтересовался, кто ее автор».

Поводом для написания данной статьи послужила книга маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году». Эта книга французского путешественника стала впоследствии синонимом неприязненных и недостоверных отношений к России. Тютчев в отличии от неумелых - близких к официозу - критиков Кюстина не стал вести полемику с автором, взявшихся судить о России, черпая информацию о ней из придворных анекдотов и из окна своей кареты. Он поступил иначе, написав по-французски письмо Густаву Кольбу, редактору влиятельного немецкого издания.

Главной целью Тютчева не было разоблачение множества ошибок Кюстина, что походило бы, по его словам, на серьезный разбор водевиля. Подоплеку этих настроений, показывает Тютчев, составляет отрицание как близости России к Европе, так и ее своеобразия. Обосновывая свою мысль, Тютчев отмечает в статье следующее: «Мое письмо не будет заключать в себе апологии России. Апология России... Боже мой! Эту задачу принял на себя мастер, до сих пор вполне успешно. Истинный защитник России - это история; ею в течении трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу».

После этого, у Тютчева вызрел замысел, так и не завершеного трактата «Россия и Запад». Направление этого сочинения историсофское, а метод изложения - сравнительно-исторический, делающий акцент на сопоставлении исторического опыта России, Германии, Франции, Италии и Австрии. Западные страхи по поводу России, показывает Тютчев, проистекают в том чис-

ле и от незнания, поскольку ученые и философы Запада «в своих исторических воззрениях» упускают целую половину европейского мира.

В данном трактате Тютчев создает своего рода образ тысячелетней державы России. Излагая свое «учение об империи» и о характере империи в России, поэт отмечал ее «православный характер». Особенностью использования Ф.И. Тютчевым теории мировых монархий является разделение Римской и Восточной (Константинопольской) империй.

В этом самом трактате Тютчев говорил о том, что Россия освободившая 30 лет назад Европу от наполеоновского господства, подвергается ныне постоянным враждебным нападениям европейской печати. В результате, пишет Тютчев, ту державу, которую «поколения 1813 года приветствовало с благородным восторгом... удалось с помощью припева, (...) почти удалось, говорю я, эту же самую державу преобразовать в чудовище для большинства людей нашего времени».

Во второй статье «Россия и революция» Тютчевым была проведена мысль, что в «современном мире» как бы существуют только две силы: революционная Европа и консервативная Россия. Тут же излагалась и известная утопия Тютчева - идея создания славянско - православной державы под эгидой России.

В этой статье Тютчев, анализируя

противоречия революции как таковой, подвергает ее резкому осуждению за то, что она не гнушается присвоением себе некоторых важных положений христианства, как это было, например во времена французской революции, провозгласившей на своих знаменах идеи братства. В этом плане, сама революция «заменяет эти чувства духом гордости и вознесения человеческого Я во имя его автономии и превосходства». Более того, далее Тютчев отмечает следующее: «За три последних века историческая жизнь Запада, необходимо была непрерывной войной, постоянным приступом, направленных против христианских элементов, входивших в состав старого западного общества».

Для Тютчева революция на Западе началась не в 1789 году и не во времена Лютера, а гораздо раньше - источники ее связаны с папством. Этой теме Тютчев посвятил свою статью «Папство и римский вопрос» (1850), ставшей своего рода продолжением статьи «Россия и Революция». Сама идея реформации вышла из папства, и из нее же проистекает непрерывная революционная традиция. Само папство сделало попытку организовать «царство Христа как мирское Царство», и западная церковь превратилось в «учреждение», как бы римской колонией в завоеванной земле. Этот поединок завершается двойным крушением: Церковь отвергается в реформации во

К.В. Нессельрод

А.Х. Бенкендорф

А.М. Горчаков

имя человеческого «Я», и при этом, само государство отрицается в революции. Однако, сила традиции становится столь глубокой, что сама революция стремится организовать в империю - как бы повторить Карла Великого. Однако этот революционный империализм мог быть только лишь пародией. Это своего рода возврат к языческому Риму. Примером революционной империи служит правление Наполеона во Франции.

В этих статьях Тютчев глубоко предчувствовал грядущую Крымскую войну, задолго до ее реального начала, 29 октября 1853 г., когда был обнародован царский манифест. 8 апреля 1854 г. Тютчев писал по этому поводу следующее: «Ну вот, мы в схватке со всей Европой, соединившейся против нас общим союзом. Союз, впрочем, неверное выражение, настоящее слово заговор...».

Тютчев знал о чем говорил. Против России был осуществлен настоящий заговор. Франция мечтала взять реванш за поражение в 1812 году, Англия и Франция при этом преследовали свои интересы. Министерство иностранных дел во главе с К.В. Нессельроде предоставляет неверную информацию императору о реальном положении дел. И Тютчев как никто другой видит главных действующих лиц этого заговора не на Западе, а в самой России. В этой связи о своих коллегах по министерству он отзывается следующим образом: «Когда видишь до какой степени, эти люди лишены всякой мысли и соображения, а следовательно и всякой инициативы, то невозможно приписывать им хотя бы малейшего долгого участия в чем бы то ни было».

Во многом благодаря Тютчеву, в начале 1856 г. Нессельроде был наконец, смещен с поста министра. На его место заступил в апреле князь А.М. Горчаков. Горчаков и Тютчев не прерывали дружеских отношений, потому не удивительно, что новый министр сразу же вовлек поэта в круг его живейших политических интересов.

В это время поэт, вполне обоснованно считает, что теперь необходимо обратить внимание не только на внешние дела, но и на внутренние. Прежде всего он эту мысль внушал А.М. Горчакову, для которого стал ближайшим дру-

*Екатерина Львовна (1776 – 1866),
мать Ф.И.Тютчева, 1801 год*

*Элеонора Петерсон,
первая жена Ф.И.Тютчева*

*Эрнестина Дернаберг,
вторая жена Ф.И.Тютчева*

*Портрет Амалии Крюденер,
Йозеф Карл Штилер, 1827 год*

гом и сподвижником на целых 17 лет. И Горчаков действительно рекомендовал Александру II «обратить внимание на внутренние дела и отказаться от активных действий во вне...». И царь утвердил курс, в основе которого «лежало сосредоточение сил на внутреннее развитие страны, используя противоречия европейских держав». Но Тютчеву и этого мало. Ему нужно формировать широкое общественное мнение. Для достижения этих целей он использует все: деловые совещания, салонное остроумие и просто душевные беседы с сильными мира сего. Он пишет государственным деятелям, не обходит своим вниманием придворных дам, а так же родственников и друзей. Особую роль в этих планах он отводит творческой интеллигенции, особенно издателей, литераторов и публицистов.

В этот период и сама поэзия Тютчева подчинена государственным интересам. Он создает много «зарифмованных лозунгов» или «публицистических статей в стихах»: «Гус на костре», «Славянам», «Современное», «Ватиканская годовщина». Но среди них есть и гениальные стихотворения, переросшие свою первоначальную задачу: «Два единства», «Ты долго ль будешь за туманом...». Но настоящей жемчужиной его творчества стали широко известные его строки, которые во многом характеризуют его умонастроения: «Умом Россию не понять...».

17 апреля 1858г. действительный статский советник Тютчев был назначен Председателем комитета иностранной цензуры.

На этом посту, несмотря на многочисленные неприятности и столкновения с правительством, Тютчев пробыл 15 лет, вплоть до своей кончины. 30 августа 1865 г. Тютчев был произведен в тайные советники, тем самым достигнув третьей, а фактически и даже второй степени в государственной иерархии. Воскресным утром 15 июля 1873 года великий русский поэт, философ, государственный деятель и дипломат Ф.И. Тютчев скончался в Царском селе. 18 июля был похоронен на Новодевичьем кладбище в С.- Петербурге.

Сергей Лабанов

Fedor Tyutchev

*Poet, diplomat, and political publicist
(commemorating the bicentennial
of the birth of F. I. Tyutchev)*

Fyodor Ivanovich Tyutchev is an important and particular figure in the cultural history of Russia, but one that has been little studied. This is why his biography is drawn from guesswork and little-researched facts. A man of great spirit and thought, Tyutchev remains interesting, accessible, and understandable to us after two hundred years. He is a man of today, he is our contemporary. And, without a doubt, he will continue to be a contemporary for many generations of people on this planet.

December 5, 2003 marked 200 years since the day of his birth, and it is our obligation to remember this remarkable poet, diplomat, philosopher, publicist, citizen and patriot of Russia.

He was born on November 23/December 5, 1803 to a high-born noble family in the village of Ovstug, situated along the Desna River, about forty kilometers north of the city of Bryansk, at that time a part of the Province of Orlovsk.

He received his early education under the direction of S. Raich. Attracted to classical poetry, he began to write poetry at an early age. In 1821 he completed studies at the department of literature at Moscow University. He then became a diplomat and served in Russian missions in Munich (1822-37) and Turin (1837-39).

As a “Russian of European extraction,” Tyutchev was bound to Europe in spirit and kinship (both his wives were from German aristocratic families). His openness to the most recent achievements of European intellect was tied to his exceptional sensitivity to the fate of Russia. After the poet had resigned from diplomatic service and returned to Russia (1848), his slavophile sympathies grew stronger. At the same time, by focusing his attention on Russia, the Russian thinker sought more than anything to demonstrate that Russia did not stand against the Christian West, but was its “lawful sister,” at the same time living “its own, organic, distinctive life.”

In his diplomatic activity the poet actively served the interests of Russia, but he also criticized the policies of the minister K.V. Nesselrod, whose course he saw as destructive for the interests of the country. In addition, he exposed the harmful politics of the Jesuits and the papacy in connec-

tion with the fate of the peoples of Europe and the world. In his dispatches and a memorandum to the Tsar, he called upon him to see that internal policies would correspond to the interests of Russia in order to successfully stand against expansion efforts from the West (including those of the Roman church). Similarly, in his diplomatic dispatches, Tyutchev criticized the essence of the then young government of the USA.

In 1839 Tyutchev’s diplomatic activity was suddenly interrupted, but he continued to live abroad until 1844. Still, in August of 1843, having fallen into disfavour, Tyutchev went to Petersburg on business. Soon after, on September 7, his acquaintance Amalia Krudener arranged for him to meet, at her Petersburg estate, the powerful executive director of the Third Section [of His Majesty’s Chancellery], A.H. Benckendorff. Their productive discussion went on for many days (including at the estate of Benckendorff). The result of these meetings was that Tyutchev gained the support of this all-powerful civil servant and the Tsar for all his initiatives to establish a positive face of Russia in the West through the involvement of major foreign intellectuals and politicians. In addition, Tyutchev was given the go-ahead to independently write articles for publication on the political problems in the relations between Europe and Russia.

Tyutchev’s activity in this area did not go unnoticed. Returning to Russia in 1844, he came back to the Ministry of Foreign Affairs (1845), and from 1848 held the position of senior censor. Publishing no poetry at all in these years,

Tyutchev came out with political letters in the French language: “Letter to Dr. Kolb” (1844), “Memorandum to the Tsar” (1845), “Russia and revolution” (1849), “Papacy and the Roman question” (1850), and similarly later, an article written already in Russian, “Censorship in Russia” (1857). The latter two articles were to be one of the chapters of an unfinished treatise, “Russia and the West,” which he was considering while influenced by the revolutionary events of 1848-49.

Tyutchev wrote his articles and the unfinished treatise both before and after the revolutions which shook Europe – in France, Germany and Austro-Hungary. He assessed the situation unfolding in Europe before and after the events in question.

Nicholas I took a great interest in Tyutchev’s brochure, “Russia and Germany,” published anonymously (1844). When this work was presented to the Emperor, as Tyutchev advised his parents “in it he found his thoughts and seemed to be interested in its authorship.”

The impetus for this article was a book by Marquis A. de Custine, “Russia in 1839.” The French traveller’s book subsequently became synonymous with a hostile and unfounded attitude toward Russia. Tyutchev, unlike the unskilled semi-official critics of de Custine, did not enter into polemics with the author, who passed judgment on Russia while drawing his information about the country from court anecdotes or from the window of his carriage. He acted in a different manner, writing a letter, in French, to Gustave Kolb, the editor of an influential German publication.

Tyutchev’s main goal was not to expose the multitude of errors made by de Custine, which would have, in his words, been like writing a serious critique of vaudeville. The real reason for this attitude, demonstrated Tyutchev, was the denial of not only the closeness of Russia to Europe but also of its distinctiveness. Substantiating his idea, Tyutchev notes the following in the article: “My letter will not consist of an apology for Russia. An apology for Russia ... My God! This task has been taken on by an expert, so far with complete success. The true defender of Russia is history; in the course of three centuries history has tirelessly settled in Russia’s favour all the trials to which it subjects its mystical fate.”

After this, Tyutchev developed the concept for his uncompleted treatise, “Russia and the West.” The direction of this work was historiosophical, and its approach was comparative-historical, placing the accent on the comparison of the experiences of Russia, Germany, France, Italy and Austria. Western fears about Russia, Tyutchev showed, streamed also from ignorance, inasmuch as the learned peo-

ple and philosophers of the West “in their historical views” left out fully half of the European world.

In this treatise Tyutchev creates, as it were, an image of the thousand-year-old Russian state. Setting out his “doctrine on empire” and on the nature of empire in Russia, the poet notes its “Orthodox character.” A feature used by F.I. Tyutchev in the theory of world monarchies is the separation of the Roman and Eastern (Constantinopolitan) empires.

In the same treatise Tyutchev addresses the fact that Russia, having liberated Europe thirty years ago from Napoleonic rule, was now subject to constant, hostile attacks by the European press. As a result, writes Tyutchev, the state which “the generation of 1813 greeted with noble enthusiasm ... has been successfully, with the help of the refrain (...), this same state has nearly been successfully, I say, transformed into a monster for the majority of people of our time.”

In the second article, “Russia and revolution,” Tyutchev adheres to the idea, that in the “contemporary world” there were only two forces, revolutionary Europe and conservative Russia. Here also was set out Tyutchev’s well-known utopia – the idea of establishing a Slavic-Orthodox state under the aegis of Russia.

In this article Tyutchev, analyzing contradictions in revolution as such, sharply judges revolution for the fact that it does not shun the appropriation of a number of the important tenets of Christianity, as was the case, for example, during the time of the French revolution, proclaiming on its banners the idea of brotherhood. On this basis, revolution itself “replaces these feelings with the spirit of pride and ascension of the human ego in the name of its autonomy and superiority.” Moreover, Tyutchev further notes the following: “In the last three centuries, the historical life of the West required a continuous war, a constant assault directed against those Christian elements which made up the old western society.”

For Tyutchev, the revolution in the West had begun not in 1789 and not during the times of Luther, but much earlier – its origins were tied to the papacy. Tyutchev devoted his article, “The Papacy and the Roman Question” (1850), to this theme, becoming as it were a continuation of the article “Russia and the Revolution.” The idea of the reformation came from out of the papacy, and from this flows the uninterrupted revolutionary tradition. The papacy itself attempted to organize “the kingdom of Christ as an earthly kingdom,” and the western church had become an “institution,” like a Roman colony in occupied territory. This duel culminated in a double fall: the church was rejected in the

reformation in the name of the human ego and, at the same time, the state itself was denied in revolution. The power of tradition, however, was so profound that revolution itself sought to organize as an empire, much like a reiteration of Charlemagne. At the same time, this revolutionary imperialism could be only a parody. It was, as it were, a return to pagan Rome. An example of revolutionary imperialism is the rule of Napoleon in France.

In these articles Tyutchev had a profound premonition of the coming Crimean War, long before it actually began on November 29, 1853, when the Tsar's manifesto was issued. In this connection, on April 8, 1854, Tyutchev wrote the following, "Well, there it is, we are in combat with all of Europe, joined together against us in a common union. Union, by the way, is not the correct expression, the actual word is conspiracy ..."

Tyutchev knew of what he spoke. There was, in fact, a conspiracy against Russia. France sought revenge for its defeat in 1812 and, in this instance, England and France were pursuing their own interests. The Ministry of Foreign Affairs, headed by K.V. Nesselrod, gave false information to the emperor on how things stood. And Tyutchev as no one else saw the main parties of this conspiracy not in the West, but in Russia itself. In this connection he characterizes his colleagues in the Ministry as follows: "When you see the degree to which these people are deprived of all thought and understanding and, as a consequence, of all initiative, then one cannot ascribe to them even the least continuing involvement in anything at all."

To a great degree because of Tyutchev, in early 1856 Nesselrod was finally removed from his ministerial position. He was replaced in April by Prince A.M. Gorchakov. Gorchakov and Tyutchev had not ceased their friendly relations, so it is no surprise that the new minister immediately drew the poet into the circle of his most lively political interests.

At that time the poet considered, with complete validity, that it was now necessary to pay attention not only to external matters, but also to internal ones. First of all he instilled this thought in A.M. Gorchakov, for whom he became a close friend and co-labourer for an entire 17 years. And Gorchakov did in fact recommend to Alexander II that he "heed domestic matters and turn away from outside activity ..." The Tsar confirmed this course, at the basis of which "lay the focusing of energy on the internal development of the country, drawing on the contradictions of the European states." This was not enough for Tyutchev. He had to nurture widespread popular opinion. To achieve his goals he utilized all means: business meetings, societal wit, and simply heartfelt conversations with the powerful of this world. He wrote to government activists, turned his attention even to ladies of the Court, as well as relatives and friends. He gave a particular role in these plans to the creative intelligentsia, especially to publishers, writers, and publicists.

During this period the poetry of Tyutchev was in support of government interests. He created many "rhymed

Tombstone of Fedor Tyutchev

slogans" or "publicistic essays in verse": "Hus at the stake", "To the Slavs", "Today's news", "The Vatican's Anniversary". Yet among them are brilliant poems that have surpassed their original purpose: "Two unities", "Russian star, will you always seek mists..." But the true pearl of his creative works is the well-known poem characterizing his frame of mind: "One cannot understand Russia by reason ..."

On April 17, 1858, Tyutchev, effectively a Councillor of State, was appointed Director of the Committee for foreign censorship. Despite numerous difficulties and run-ins with the government, Tyutchev served in this position for 15 years, right up until his death. On August 30, 1865, Tyutchev was made a secret advisor, therefore reaching the third, and in fact the second rank in the government hierarchy. On Sunday morning, July 15, 1873, the great Russian poet, philosopher, civil servant and diplomat F.I. Tyutchev passed away in Tsarskoye Selo. He was buried at Novo-Devichy cemetery in St-Petersburg on July 18.

Sergey Labanov

В Москве 31 октября - 1 ноября 2008 года проходила Всемирная конференция российских соотечественников. Открыл форум приветствием Министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров и отдельно представил новых участников - делегации Южной Осетии и Абхазии. Более 300 делегатов, прибывших из 80 стран, представляли почти тридцатимиллионную русскую диаспору. Для всех участников это был уникальный шанс собраться вместе, обсудить проблемы, достижения и планы на будущее.

По данным российского МИД сегодня около 50 тысяч соотечественников хотели бы вернуться в Россию, но, всей душой стремясь, ждут ответа на вполне понятный человеческий вопрос, насколько стабильной будет перспектива начать новую жизнь на исторической Родине, кто им поможет устроиться? Частично ответ на эти вопросы уже существует - в России действует государственная программа по возвращению соотечественников. Однако, как считает С.Лавров, её нужно совершенствовать. Сергей Миронов, председатель Совета Федерации отметил: «Упрощён порядок получения российского гражданства для участников программы по добровольному переселению соотечественников. Принято решение о безвизовом въезде в Россию лиц без гражданства, проживающих в Латвии и Эстонии.» Уже к концу года планируют вернуться 12 тысяч соотечественников, проживающих в ближнем зарубежье.

Глава МИД России зачитал обращение президента России Дмитрия Анатольевича Медведева к участникам конференции: «Развитие отношений и поддержание связей с соотечественниками всегда будет приоритетом в политике российского государства. Живя в дали, но

не в отрыве от России, вы неизменно ощущаете неразрывную духовную связь, храните богатые культурные традиции России, делаете всё возможное для русского языка.

Благодаря вашим усилиям во многих странах работают русские театры, культурные центры, проводятся яркие мероприятия.

Россия действительно рада, что с каждым годом ваша сопричастность к происходящему на исторической Родине растёт, а наши контакты становятся более широкими и разноплановыми.» - говорилось в обращении главы российского государства.

На конференции обсуждалась серьёзная тема: как сохранить русский мир вдали от России.

На вопрос, действительно ли соотечественники за рубежом забывают обо всём русском, граф Пётр Петрович Шереметев отвечает: «Только не во Франции» и показывает запись в своём компьютере - на светском приёме князь Трубецкой лихо играет на балалайке. Конечно, это весёлый пример, но, если серьёзно, то та огромная общественная и, в большинстве случаев, бескорыстная деятельность культурных объединений, общественных организаций, различных фондов, музыкально-драматических театров для взрослых и детей, танцевальных коллективов - всех тех, кто поддерживал и развивал русские традиции за границей - деятельность всех этих организаций и, конечно, каждого отдельного человека, принимавшего в этом участие, не может не заслужить исторического признания и общественной благодарности. Следует особо отметить роль и заслугу Русской Православной Церкви Заграницей в объединении русских людей, которые, сплотившись в своём стремлении сохранить себя и свои традиции, открывали церковно-приходские школы при своих храмах, музыкально-драматические кружки при школах, а также создавали общественные организации, прежде всего думая о том, как сохранить в себе и передать свой опыт и культурные традиции своим детям. Примерно такой же была история создания и нашего Русско-Канадского Культурно-Просветительного Общества в Торонто, насчитывающего уже более 60-ти лет своей работы.

Недавние события на Кавказе были одной из главных тем на Всемирной конференции соотечественников.

Анна Виссенте - врач-физиотерапевт уже более 20 лет живёт в Кабо-Верде, маленьком островном государстве у побережья Африки, говорила о том, что о происшедших событиях в Южной Осетии маленькой русской общине приходилось узнавать из иностранных СМИ: «Почему французы, американцы могут транслировать свои каналы? - возмущались наши женщины, не имея прямой информации из России, - а вот французский канал показал, что Россия виновата в войне». Сложившаяся ситуация с освещением событий на Кавказе, несомненно, показала необходимость расширения информационного потока напрямую из России, без, порой, предвзятой интерпретации, выгодной той или иной стране.

Граф Пётр Петрович Шереметев, председатель президиума Международного совета российских соотечественников призывал все организации создавать позитивный облик России на местах своего проживания.

В частности, когда многие зарубежные СМИ представляли Россию нецивилизованной и агрессивной страной, именно русское зарубежье сделало немало для разъяснения причин гуманитарной трагедии.

Общие истоки - это наше общее будущее. Участники конференции обсуждали, как при неизбежном взаимопроникновении и влиянии других культурных традиций, не потерять свои, как развивать связи с соотечественниками, как сохранить наш Великий Русский Язык, который сегодня должен по-настоящему бороться за своё выживание, с огромным трудом сдерживая технократическую языковую агрессию, а иногда, что очень печально, проигрывая ей.

«Наших отцов нет, но они передали свой дух, свою культуру, свою русскость детям и внукам, и мы продолжаем эту работу. Им не довелось вернуться в Россию, а мы возвращаем России память о них.» - сказал князь Александр Трубецкой, руководитель Объединения императорских гвардейцев во Франции.

«Данью памяти нашим соотечественникам стало решение финансовых вопросов, которые долго не могли

быть урегулированы в контексте аренды участков захоронений на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа во Франции. И сейчас мы прорабатываем конкретные шаги, чтобы придать семи кладбищам в зарубежных странах статуса русских мемориальных комплексов.» - подчеркнул Сергей Лавров.

Открываются многие возможности, которых не было у дедов и отцов из-за идеологической стены, которой, слава Богу, давно нет.

Разговоры и дискуссии были очень серьёзные, но вот баронесса Елена Майндорф, в нескольких словах объяснила, почему такие встречи всегда оставляют о себе хорошую память: «Мы чувствуем себя в Москве дома, и с русскими людьми считаем себя родственниками. Я приехала в свою семью и счастлива.» - сказала она.

Дмитрий Романов, князь, председатель фонда «Романовы для России»: «Я считаю, что это правильно и нужно, потому что русские за рубежом имеют большой минус. Молодые должны учиться, они забывают русский язык или вообще не говорят по-русски. Это нормально для молодых, но это неправильно. Русские должны помнить свою историю, и, занимаясь своими делами, должны помнить Россию и свои истоки. Такое единение - результат серьёзных шагов, предпринятых государством по поддержке соотечественников. Открытие русских национальных центров, а их уже более десятка по всем странам - лишь малая часть проделанной за последние несколько лет работы.»

Удивительны судьбы русских людей, волею обстоятельств занесённых в самые отдаленные уголки нашего мира, они поражают своими различиями, но при этом сегодня дают одно общее ощущение и понимание - мы едины. Российская зарубежная диаспора очень многочисленна, она уступает лишь китайской. Но как нам объединиться, как работать и помогать друг другу, как развивать связи, как быть полезными своей Родине -- все эти вопросы и проблемы нам ещё предстоит разрешать.

Данила Зайцев родился в Китае, вырос в Аргентине, женился в Уругвае, но всегда мечтал увидеть Россию. Увидел и решил, что теперь это его дом. И люди вокруг душевные, и все разговаривают на русском языке. Теперь Данила Зайцев живёт в Белгородской области и признаётся, что наконец начал чувствовать себя россиянином. Сейчас почти всё своё время проводит в переговорах

и переездах, из Уругвая в Россию и обратно; помогает общине староверов вернуться на Родину дедов. Русские традиции для него закон, хотя сам Россию до переезда знал лишь по произведениям классиков и сказкам.

Думается, каждый участник конференции убедился в том, что Россия и её правительство будут поддерживать проекты русской диаспоры в сфере культуры, информации, образования, объединения русскоязычных общин, укрепления связей с исторической Родиной; будут открыты культурные центры в Азербайджане, Армении и Молдавии, также планируется открыть ещё около десяти культурных центров России, в том числе и в дальнем зарубежье.

Один из представителей русской общины из города Винница (Украина) предоставил стихи написанные для российских соотечественников:

*Россия! Россия! Будь справедливой.
Пред Богом склоняясь, Веру храни!
Во имя народа, во имя свободы!
Во имя вселенской и братской любви.
А мы обещаем историю помнить,
Наследье отцов и дедов беречь.
И пусть нам поможет заветы исполнить
Великая ясная русская речь!
И пусть нас сближает, как мать родная,
Земля плодородная русских полей,
И горы, и реки, от края до края,
От полюса льдов и до южных морей.
Слава России! Слава России!
Да здравствует каждый живущий в ней род!
Слава России! Слава России!
Отчизну храни православный народ!*

Олег Кадочников

Е.Климаева
участник конференции
Канада-Торонто

Приветствия участникам ассамблеи «Русский Мир»

*Приветствие Президента России
Д.А.Медведева*

Приветствую участников, организаторов и гостей ассамблеи.

Ваш форум объединяет представителей общественных организаций, ведущих российских ученых, политиков, руководителей СМИ. И конечно - соотечественников из многих стран мира, живущих вдали от Родины, но поддерживающих самую тесную связь с ней. Проведение ассамблеи - это прекрасная возможность для развития контактов и обмена опытом, для дискуссий по вопросам сохранения и популяризации отечественной культуры, русского языка.

Во многом благодаря именно вашему деятельному участию сегодня активно создаются Русские центры за рубежом, появляются новые русскоязычные издания, осуществляются гуманитарные программы. Они помогают людям, проявляющим искренний интерес к нашей стране, открыть для себя богатейшее культурное наследие России, познакомиться и с её историей, и с современной жизнью. А нашим соотечественникам - почувствовать свою сопричастность к её делам и заботам.

Рассчитываю, что высказанные в ходе встречи предложения и рекомендации будут реализованы на практике и послужат укреплению русскоязычного пространства, запуску перспективных проектов.

Желаю вам плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Д.Медведев

*Приветствие премьер-министра России
В. В. Путина*

Поздравляю вас с открытием ассамблеи. Вот уже во второй раз она проходит здесь, в Москве, в канун празднования Дня народного единства и собирает многочисленных участников и гостей из разных стран.

Организатором форума выступил фонд «Русский мир». Он был создан для решения насущных задач сохранения, изучения, развития русского языка как универсального инструмента международного общения, для популяризации нашей национальной культуры и ее высоких, непреходящих ценностей, поддержки наиболее важных и ярких гуманитарных инициатив.

За относительно небольшой период фонду удалось найти настоящих друзей и партнеров в самых разных уголках планеты. Привлечь к совместной работе людей, искренне увлеченных историей и современной жизнью России, ее культурно-духовным наследием. Многие из них сегодня стали гостями ассамблеи. Спасибо вам за благородный, подвижнический труд, за большой вклад в распространение русского языка и культуры в мире. Этому в немалой степени способствовали проекты, реализованные фондом. Среди них - открытие Русских центров за рубежом, разработка методических пособий и университетских учебников русского языка, грантовая поддержка просветительских и образовательных программ.

Уверен, что нынешняя ассамблея будет способствовать укреплению единого пространства всего Русского мира. Послужит открытию новых, перспективных направлений работы, укреплению международного сотрудничества, дружеских связей и контактов,

Желаю вам успехов и всего самого доброго.

В.Путин

Ассамблея «Русский мир»

*«И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!»*

*Анна Ахматова
«Мужество», 1942*

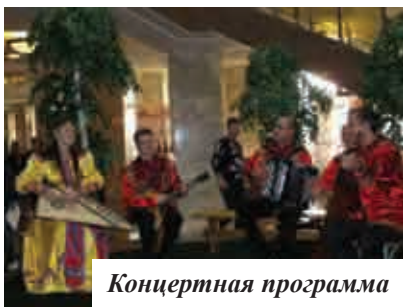

Людмила Вербицкая, Вячеслав Никонов

Фонд «Русский мир» создан Указом президента РФ от 21 июня 2007 г. в целях сохранения и популяризации русского языка и культуры, содействия консолидации Русского мира. Председателем попечительского совета фонда является ректор Санкт-Петербургского государственного университета Людмила Вербицкая, а исполнительным директором - Вячеслав Никонов.

По словам исполнительного директора фонда «Русский мир», политолога Вячеслава Никонова, приоритетом для организации служит поддержка СМИ, выходящих на русском языке за рубежом, объединений соотечественников, а также русских школ. Фонд намерен оказывать содействие для возвращения на родину талантливых ученых, покинувших в разные годы Россию. Кроме того, предполагается объявить конкурс на получение грантов от «Русского мира», направленных на популяризацию русского языка за рубежом.

3 ноября 2008 года, в интеллектуальном центре МГУ им. Ломоносова открылась вторая Ассамблея Русского мира. Около тысячи человек - это делегаты из 60 стран - собрались, чтобы не только поговорить по-русски, но и обсудить значение Ассамблеи под эги-

Концертная программа

дой одноименного фонда русского языка для всего мира. Девизом форума стали слова Анны Ахматовой: «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово».

В работе ассамблеи принимают участие государственные и общественные деятели России, ученые, руководители общественных организаций, представители религиозных конфессий. Среди почетных гостей форума, министры иностранных дел и образования Сергей Лавров и Андрей Фурсенко, а также депутаты Государственной думы. В ходе открытия ассамблеи было озвучено приветственное слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

В рамках ассамблеи также состоялись круглые столы на следующие темы: «Российская культура в мировом контексте», «Русский язык в международном общении», «Русский мир и процессы глобализации», «Информационное пространство Русского мира», и дискуссия «Русский мир в действии».

На открытии ассамблеи выступили министр иностранных дел России Сергей Лавров, министр образования и науки РФ Андрей Фурсенко, исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, ректор МГУ Виктор Садовничий и ректор СПбГУ, председатель попечительского совета фонда Людмила Вербицкая.

Андрей Фурсенко

Выступая на открытии ассамблеи, Сергей Лавров заявил, что МИД России ведёт активную деятельность по сохранению и распространению русского языка и русской культуры. Он подчеркнул, что в этой работе нужно использовать все резервы не только официальной, но и народной дипломатии.

Исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов отметил, что если на прошлой ассамблее о деятельности фонда говорилось в будущем времени, то сейчас уже можно говорить в настоящем. Никонов заявил, что II Ассамблея станет стартом для

Сергей Лавров

Епископ Егорьевский Марк

Концертная программа

ФОНД РУССКИЙ МИР

Участники ассамблеи и В. Никонов

Виктор Садовничий

Народные промыслы

ший послание ассамблее патриарха Алексия II, посчитал нужным заметить, что, несмотря на сложность и разнообразие Русского мира, его стержнем всегда было православие.

С точки зрения выступившего на ассамблее известного русскоязычного казахского поэта Олжаса Сулейменова, ныне представляющего Казахстан в ЮНЕСКО, Русский мир - это, прежде всего, русская классическая литература, которая является гораздо более значимой для России силой, чем ядерный арсенал.

Ректор МГУ Виктор Садовничий посчитал нужным сказать, что одной из важных составляющих Русского мира является отечественная наука.

запуска новых амбициозных проектов фонда.

Вячеслав Никонов также подчеркнул в своём выступлении мысль о том, что Русский мир находится вне конфессий и вне национальностей. В своём приветствии ассамблее он говорил о том, что к Русскому миру могут относиться себя около трети миллиарда людей на планете, владеющие русским языком, в более узком смысле к нему принадлежат те, для кого русский язык и русская культура являются значимой ценностью. Также Русский мир, с точки зрения Вячеслава Никонова, это и обозначение цивилизации, имеющей свои всемирно признанные культурные и технологические вершины, чей язык, в частности, стал первым языком в космосе.

Епископ Егорьевский Марк, заместитель председателя Отдела внешних церковных связей РПЦ, зачитав-

В течение всей ассамблеи её участники демонстрировали ролики, в которых рассказывалось об основных направлениях работы фонда, в частности, об открытии русских центров в культурных и образовательных учреждениях разных стран. Данные центры должны служить ресурсной базой для всех изучающих русский язык за рубежом и предоставляют богатую коллекцию русской литературы, аудио- и видеопроизведений, различных обучающих программ. До настоящего времени открыто 9 подобных центров, однако до конца года их число должно значительно увеличиться. Одним из подтверждений этого стало выступление на ассамблее вице-мэра японского города Хакодате господина Кудо Тосики, который сообщил об открытии в Хакодате по-

Мирей Матъе

Участники ассамблеи

Выставка народного промысла

Концертная программа

добного центра.

В выступлении Людмилы Вербицкой, возглавляющей попечительский совет фонда, было отмечено, что практика работы фонда подтвердила удачность выбранных им приоритетов деятельности по открытию подобных центров и оказанию разнообразной поддержки соотечественникам.

Из выступлений на Ассамблее можно было узнать и о деятельности фонда по предоставлению грантов

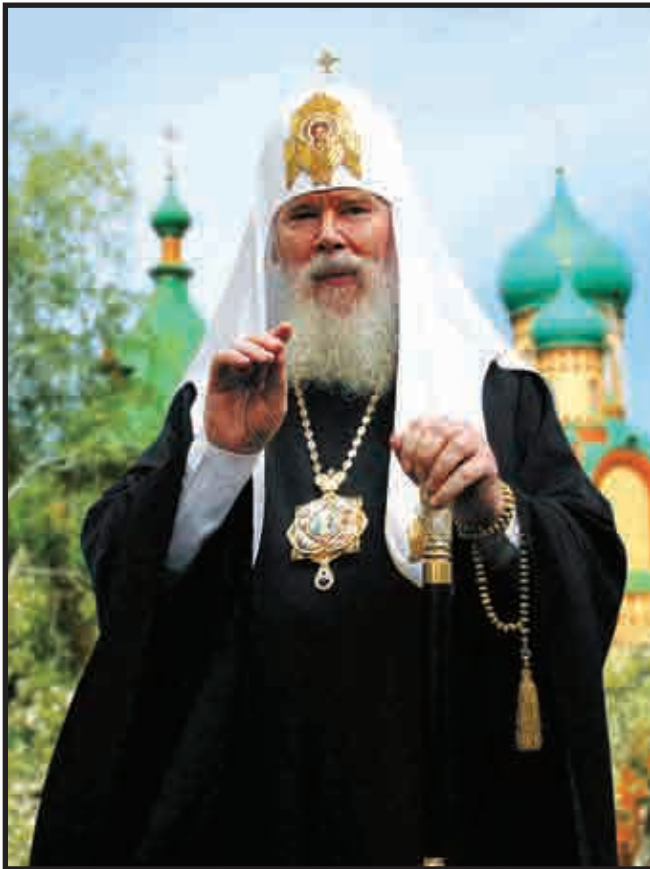
и первых результатов осуществления поддержанных проектов. Выступивший перед участниками ассамблеи лондонский детский русскоязычный хор «Росинка» также был одним из примеров грантовой деятельности фонда, поскольку получил в этом году поддержку со стороны «Русского мира». Грантовые программы фонда чрезвычайно различны, как по масштабам, так и по направлениям. Объединяет их поддержка русского языка и культуры и конкретные инициативы организаций соотечественников.

Ректор МГУ Виктор Садовничий также рассказал в своём выступлении о программах, связанных с поддержкой Русского мира, осуществляемых университетом, в частности, об открытии филиалов МГУ, осуществляющих обучение на русском языке по университетским стандартам в различных странах СНГ. Поле деятельности по изучению и поддержке Русского мира чрезвычайно огромно и требует совместной работы самых разнообразных структур. И фонд выступает лишь одним из организаторов подобной работы.

Открытие ассамблеи завершилось выступлением чрезвычайно популярной в России французской певицы Мирей Матъе, исполнившей на русском языке песни «Подмосковные вечера» и «Очи чёрные». Эти песни, давно ставшие наиболее узнаваемой частью русского песенного наследия на Западе, возможно, ещё раз напомнили о том, что набор этого узнаваемого наследия не меняется уже много лет. И это одна из данностей, которую надо учитывать, в том числе и при работе фонда по популяризации русской культуры в мире.

Заседание ассамблеи показало, что фонд «Русский мир» работает, его деятельность востребована, осуществляемые проекты уже дают свои результаты, однако, разумеется, это лишь первые шаги в грандиозной деятельности по изучению и поддержке Русского мира, которую фонд намерен осуществлять на планомерной и постоянной основе.

*Е.А. Клинаева
участник Ассамблеи «Русский мир»
фото Е.А. Клинаевой*

Мы осиротели...

Памяти Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

Когда скончался святой благоверный князь Александр Невский, то предстоятель Русской церкви вышел из храма, рыдая, и сказал: «Чадо мои возлюбленные, закатилось солнце земли Русской». Емкость этой фразы, которую никогда раньше не вспоминала, почувствовала сейчас, потому что мы – осиротели: ведь Патриарх – это и есть отец! И Святейший для нас был именно таким.

Я имела честь и счастье знать его лично пятнадцать лет. Помню, когда впервые входила к нему в кабинет, у меня дрожали колени от благоговения, от страха, от сознания своей какой-то недостойности. Но это чувство скоро полностью рассеялось, потому что у него была такая неповторимая, с одной стороны, подбадривающая, с

другой – строгая, отеческая улыбка сквозь бороду, в глазах такая искорка - очень человеческая! Мне кажется, он глубоко понимал и нашу ограниченность, поэтому снисходил, но и ждал от нас многого.

Служение его пришлось на такой смутный, тяжелый период, когда связь времен рвалась, когда нация снова раскололась, когда она не могла найти согласия ни по одному вопросу прошлого, настоящего и будущего - сколько было эйфории у одних, сколько было вселенского драматизма у других! Церковь – это тоже живой организм, там тоже много разных голосов, суждений и мнений. Какую мудрость надо было стяжать, чтобы провести этот корабль через бурный поток, чтобы уберечь

Н. А. Нарочицкая

его и от внутреннего раскачивания, и от внешних бурь – это действительно по плечу только настоящему предстоятелю, истинному молитвеннику с огромным внутренним духовным зрением, и в то же время – с опытом крупного общественного и государственного деятеля.

Конечно, трудно недооценить то, что он оказался на высоте того вызова истории, когда появился шанс соединить разорванную душу русского народа – Русскую Православную Церковь. Глубоко символично то, что и митрополита Лавра Господь призвал почти сразу же после этого величайшего акта, а вот теперь, совсем через небольшой срок, и патриарха Алексия... Это говорит о том, что все, что они могли сделать, они сделали в этой жизни.

Его устами очень деликатно звучала и критика в адрес современности, и глас религиозной совести. Не могу забыть 1993 год, когда творилась буквально вакханалия вокруг, и либеральные круги, совершенно не стесняясь, использовали в своих целях каких-то церковных диссидентов. Тогда же возникла идея Всемирного русского собора, я стояла у самых ее истоков. Мы, несколько единомышленников, пришли с этим проектом в нашу Церковь, и нам назначили круглый стол, где мы три часа излагали свою концепцию, а уже через неделю нам позвонили и сказали, что нас поддержали.

Потом много было всяких сложностей и нестроений. Но я сейчас только, с высоты моего сегодняшнего обще-

ственного и государственного опыта, понимаю, какой это был подвиг со стороны всех участников того проекта. Наперекор лидирующему циничному настроению в обществе, принять на себя и выдержать весь этот вой, свист якуниных, новодворских, которые обвиняли тогда чуть ли не в фашизме всякого, кто слово русский употребит. Патриарх же выступил тогда на первом Соборе. И какая же это была поддержка с его стороны всем, кого числили тогда чуть ли не маргиналами! А на самом деле - они просто раньше других поняли, что рано или поздно неизбежно произойдет вот эта соборизация нашей нации из народонаселения, на тот момент атомизированного, без общих ценностей, целей, с духом, рассыпавшимся на отдельные кусочки.

Лучшим памятником того, что труды Патриарха Алексия II не пропали, будет наше единение перед лицом вызовов истории, понимание, что Россия родилась не в 1991-м, и не в 1917-м, и что свой исток, смысл - зачем мы живем, представления о жизни, о государстве мы получили из Православной веры. Лучшим памятником трудам Святейшего будет то, что мы не покачнемся, устоим и дальше будем единым народом.

*Наталья Алексеевна Нарочницкая
Профессор, доктор исторических наук, президент
Фонда исторической перспективы (Москва),
руководитель европейского отделения Института
демократии и сотрудничества (Париж)*

ЧЕЛОВЕК ЦЕРКВИ

ВКРОМНЫЕ МЫСЛИ-ВОСПОМИНАНИЯ О НОВОПРЕСТАВЛЕННОМ СВЯТЕЙШЕМ ПАТРИАРХЕ МОСКОВСКОМ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЕ II

В пятницу 5-го декабря 2008 года на 80-м году жизни скончался Патриарх Московский и всея Руси Алексий, который возглавлял Русскую церковь 18 лет, как 15-ый Патриарх, начиная с введения Патриаршества на Руси. Предстоятель Русской Православной церкви умер в своей резиденции в Перedelкино - у него остановилось сердце.

Патриарх Алексий (в миру - Алексей Михайлович Родигер) происходил из прибалтийского, немецкого дворянского рода. Родился 23 февраля 1929 года в городе Таллин (Ревель), в Эстонии, в глубоко верующей семье. Обучался в Ленинградских духовных школах (Семинарии и Академии). Семинарию окончил по первому разряду, по окончании Академии был удостоин

степени кандидата богословия. 3 сентября 1961 года архимандрит Алексий стал епископом Таллинским и Эстонским. 25 февраля 1968 года архиепископ Алексий был возведён в сан митрополита.

Митрополит Алексий в тяжёлое советское время выполнял очень много ответственных послушаний, как

внутри Русской Церкви, так и в международных организациях, связанных с церковной жизнью. Надо отметить, что все эти послушания будущий Святейший Патриарх исполнял безукоризненно и только на пользу Церкви.

После смерти Патриарха Пимена, тогда ещё митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, был избран на Поместном Соборе Русской Православной церкви

7 июня 1990 года на Московский Патриарший Престол. Интронизация состоялась 10 июня того же года в Свято-Богоявленском Елоховском соборе в Москве.

Заслуги покойного Патриарха Алексия были неоднократно отмечены множеством наград, как церковных, так и государственных и международных. В частности, высшими наградами Российской

Федерации: орденом св. Апостола Андрея Первозванного, орденом «За заслуги перед Отечеством», многими орденами поместных православных церквей и иностранных государств. 4 мая 2004 года, за выдающиеся заслуги в укреплении мира, дружбы и взаимопонимания между народами Патриарху Алексию была вручена

награда ООН «Поборник справедливости».

За время 18-летнего патриаршества Святейший Алексей укрепил Русскую Православную Церковь. Значительно выросло число епархий, приходов, монастырей, духовных школ. Например, в данное время в юрисдикции Русской Православной Церкви находится приблизительно 25 000 приходов. За время архиерейского служения Святейший Патриарх Алексей возглавил 84 архиерейских хиротонии (из них 71 - после избрания на Всероссийскую кафедру), рукоположил в священник более 400 иереев и почти столько же диаконов. Очень много сделал Святейший и в сфере духовного и светского образования, социального служения церкви.

Огромная заслуга святейшего Патриарха Алексея в примирении русской матери церкви с церковью за рубежом.

Я имел честь познакомиться со Святейшим Патриархом Алексием в 1990 году. Во время моего 11-летнего служения в Москве я много раз удостоивался сослужить Святейшему, принимать из его рук Святое Причастие, слушать его проникновенные проповеди в храме и ценные наставления на епархиальных собраниях. Много раз я имел возможность беседовать с ним лично. Святейший Алексей был человеком сдержанным, спокойным,

очень взвешивал свои слова, но тем не менее был всегда очень доброжелательным, открытым, ясным в своих высказываниях, я бы сказал, очень заботливым и даже ласковым. Никогда не забуду, когда в начале перестроечного периода, когда на прилавках магазинов было крайне мало продуктов и наступил Великий пост и люди спрашивали, как нам теперь поститься, Патриарх ответил: «Поститесь в меру ваших возможностей, но, прежде всего, не кушайте людей».

Патриарх очень любил служить и совершал богослужения постоянно, практически ежедневно, в разных храмах Москвы и во всех епархиях. Служил он очень молитвенно и торжественно. Да, воистину, он любил служить. И так он служил до последнего своего вздоха.

Невзирая на свободу, которую приобрела Церковь после падения безбожного режима, Патриарху, безусловно, было нелегко. Но он был гарантом единства Церкви (несмотря на трагическую ситуацию в Украине, где меньшинство откололось от канонической церкви).

Святейший очень страдал от того, что на западе Украины сотни приходов ушли в унию. Конечно же, переживал Патриарх и из-за нахлынувшего на Россию потока иностранных миссионеров и сект. Ведь Русь Святая, свыше 1000 лет - христианская земля, пропитанная кровью мучеников и новомучеников за веру Христову, не нуждается в проповедях инославных сектантов.

Конечно, во времена коммунизма и после него, некоторые обвиняли Русскую Церковь, в частности, иерархов и священников, в предательстве и в тесном сотрудничестве с гос. органами. Да, легко было огульно обвинять и клеветать на многострадальную Церковь, но Бог нас будет судить, и история, которая окончательно по этому поводу ещё не написана, откроет нам правду. Одно - сотрудничать с властями во благо Церкви, что имело место быть в большинстве случаев, а другое - действительно предать Христа. Из многочисленных при-

меров, мне лично известно, что Патриарх спас Свято-Успенский Пюхтинский женский монастырь в Эстонии и Собор св. Александра Невского в Таллине от закрытия коммунистическими властями.

Очень печально было услышать после кончины Патриарха Алексея из некоторых западных средств массовой информации, что Патриарх якобы был КГБистом, но всячески отрицал это.

Уже при жизни Святейшего мы слышали такие гадкие обвинения в его адрес, но я думаю, после смерти Патриарха, повторять такие слова - это просто омерзительно, безнравственно, и в высшей мере не по-христиански. Да простит Господь заблуждающихся и помилует их.

Русская Церковь и весь православный мир потерял великого Патриарха, которого Господь поставил быть духовным вождём нашего народа в наше непростое время и служение которого было для всех нас благословением и духовным утешением.

ВО БЛАЖЕННОМ УСПЕНИИ ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ ПОДАЖЬ, ГОСПОДИ, НОВОПРЕСТАВЛЕННОМУ РАБУ ТВОЕМУ, СВЯТЕЙШЕМУ АЛЕКСИЮ, ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ, И СОТВОРИ ЕМУ ВЕЧНУЮ ПАМЯТЬ.

Протоиерей Олег Кириллов, настоятель Русского Православного собора Христа Спасителя в Торонто

Патриарх Алексей II и Протоиерей Олег Кириллов

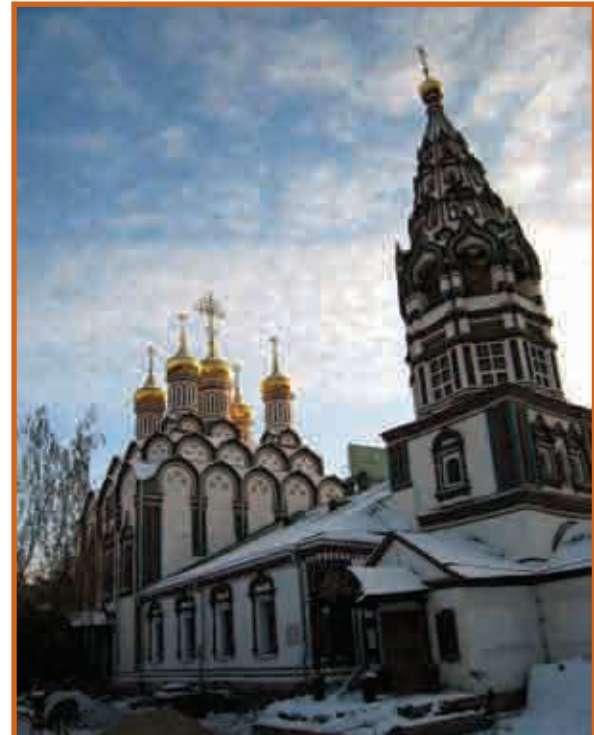
**ВПЕЧАТЛЕНИЯ УЧАСТНИКА КУРСОВ ПО ПОВЫШЕНИЮ
КВАЛИФИКАЦИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И СОТРУДНИКОВ
ПАЛОМНИЧЕСКИХ СЛУЖБ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ 2007 ГОДА**

Я впервые узнал о том, что направлен в Москву на курсы по повышению квалификации руководителей паломнического дела из протокола заседания нашего Заграничного Синода и, конечно, обрадовался возможности очередной раз поехать в Москву, да еще в качестве студента при Паломническом Центре Московского Патриархата. Для меня это было большой честью и, предполагаю, Синод меня послал из-за того, что на протяжении всей моей жизни я любил ездить по святым местам России, еще в советское время, будучи студентом, проживающим в Канаде. В качестве священника Зарубежной Церкви я имел счастье быть паломником и организатором паломнических поездок для своих прихожан и прислужников на Афон, на Святую Землю, в Россию и на большие церковные торжества в Канаде и Америке. Благодаря частым паломническим поездкам заметно развивался и ускорялся процесс воцерковления и духовного роста наших прихожан. Когда поднимается вопрос об очередной поездке, каждый из наших паломников, познавших радость и духовное наслаждение во время паломничества, проявляет живой интерес к таким поездкам.

Я отправился на курсы в Москву с неким трепетом, поскольку, будучи священнослужителем Зарубежной Церкви, никогда не сотрудничал с каким бы то ни было церковным учреждением Московского Патриархата и не мог даже предположить, что меня ожидает. С 1989 года я ежегодно посещал святыни Русской Церкви, как и многие наши священнослужители и прихожане, инкогнито, в силу целого ряда известных причин, но даже это краткое соприкосновение приносило огромное духовное удовлетворение. Мое непосредственное участие на протяжении трех недель в жизни Паломнического Центра было полно неожиданностей и открытий, ибо, благодаря этим курсам, я впервые получил возможность лично войти в жизненную струю Московского Патриархата. Трудно подобрать слова, чтобы выразить мою искреннюю благодарность нашему Заграничному Синоду за доверие, а Паломническому Центру - мою признательность за возможность окунуться в самый центр событий церковной жизни Русской Православной Церкви на Родине, Церкви, к которой, с благодатного момента нашего воссоединения 17-го мая 2007 года, я ныне принадлежу.

Курсы проводились с 14 по 30 ноября 2007 г. в помещениях Паломнического Центра, и с самого начала все участники 6-го потока, 32 студента, очень скоро оценили высокий уровень, как специалистов, профессиональных лекторов, так и преданного, опытного руководства Паломнического Центра, начиная с его председателя Епископа Марка, Егоровского, генерального директора С.Ю.Житинева, со всеми их многочисленными помощниками. Солидность, опытность и серьезность руководства и организации, - все это обеспечило курсам колоссальный успех. Ведь это уже был 6-ой поток обучающихся на курсах по повышению квалификации для руководителей паломнических служб. В нашей группе были священнослужители со всех концов России и Украины – из Тюменской, Сумской, Черниговской епархий, Кургана. Большая часть учащихся - это благочестивые миряне всех возрастов: из Архангельска, Омска, Пскова, Казани, Сибири, Калининграда ... и нас сразу же объединил главный предмет нашего обучения - общая любовь к паломническим поездкам и крепкое желание святое дело паломничества совершенствовать и распространять среди своих прихожан на местах нашего служения Церкви.

Курсы продолжались в течение трех недель, и вся наша студенческая жизнь, начиная с 10-ти часов утра, когда начинался первый доклад, и до 6-ти часов вечера, ежедневно проходила гладко и пунктуально, как часы. Владыка Марк отслужил молебен перед началом наших занятий в храме Святой Ольги, признанной первой русской паломницей на Руси, после чего он обратился к нам со вступительным словом, уже в большом красивом зале, оснащённом самым современным техническим оборудованием. Владыка начал с вопроса о том, что такое паломничество в нашем православном понятии, и как оно отличается от туризма и от католического понятия о паломничестве. С самого начала нам были даны глубокие, содержательные богословские понятия о нашем предмете, и, слушая наших многочисленных докладчиков из духовных школ и высших учебных заведений города Москвы, я часто чувствовал себя то сту-

Храм Святителя Николая в Хамовниках. 17-век

дентом духовной семинарии и академии, то слушателем Московского государственного университета. Каким все-таки было счастьем и удовольствием побывать на таких курсах. С каждым новым днем чувствовалось, что мы действительно повышали, расширяли и систематизировали свои знания, - и все это руководствовалось главной целью: принести Церкви большую пользу! Православное паломническое дело весьма обязано всем тем, кто задумал и организовал такую замечательную программу. Нужность и полезность этих курсов трудно переоценить.

Интересно, что не было случая, чтобы какой-то докладчик опоздал на лекцию, и это удивительно, учитывая, какие бывают пробки в Москве. Мы старались всеми силами не опаздывать на уроки и, Боже сохрани, пропустить лекции, на которых в целом мы провели 75 академических часов. Зная о том, что нас ожидают экзамены, которые будут проводиться Владыкой, мы старались все доклады аккуратно записывать на магнитофоны или вести свои записи. Каким далеким для всех участников курсов было студенческое время, но, вновь оказавшись в такой академической обстановке, мы все делали с любовью и большим старанием, ибо настолько все было интересно. Кроме того, каждый чувствовал ответственность перед епархией или храмом, который он представлял. Наш второй священник в Торонто, отец Вячеслав, призывал наших прихожан молиться, чтобы я успешно сдал экзамен. Большая часть нашей группы жила у своих знакомых в Москве, но хорошая треть на-

Патриарх Алексий в сопровождении всего епископата Русской Церкви посетили московский Кремль в связи с торжеством 90-летия восстановления патриаршества

шего потока проживала в гостинице при Паломническом Центре. Питались мы в столовой на первом этаже, и всегда все наши обеды и занятия начинались и кончались молитвой.

Программа наша была самая обширная и довольно глубокая. Слушали доклады на темы: 1) История, цели и задачи православного паломничества; 2) География православного паломничества (местонахождение важнейших православных церковных святынь); 3) Взаимоотношения паломничества и культуры; 4) Методики проведения паломнических поездок; 5) Основы безопасности паломнических путешествий; 6) Законодательная база православных паломнических служб; 7) Финансово-экономические основы организации православного паломничества, 8) Реклама в православном паломничестве. Каждая из этих важных тем была подробно разработана и преподавалась нам видными квалифицированными специалистами. Могу сказать, что мне, как заграничному человеку, было весьма интересно впервые послушать такие доклады на русском языке, поскольку в Канаде такой уровень преподавания я встречал только в университете, и то, много лет тому назад, а здесь все читалось по-русски, да еще с богословским и церковным уклоном. Я не переставал удивляться и радоваться тому, что православный церковный мир в России добился такого высокого богословского и академического уровня, в частности, для своих сотрудников паломнических служб, в большинстве своем, мирян. Какой вывод можно сделать о богословском уровне в России в духовных семинариях, академиях или православных университетах? Ответ однозначен!

Были организованы 4 паломнические поездки, которые, как правило, продолжались целый день, и как много эти поездки давали каждому. Здесь практика и опыт одновременно преподавались с теорией. Паломнические поездки были организованы для участников курсов, а также для всех желающих москвичей. Одна из

них была на целый день в Троице-Сергиеву Лавру, которую я, к сожалению, пропустил с благословения епископа Марка, так как в этот день мне довелось служить в Храме Христа Спасителя по случаю празднования 90-летия восстановления Патриаршества. Мои сокурсники рассказывали, что поездка прошла просто великолепно, с посещением Хотьковского монастыря, места погребения святых родителей Преп. Сергия, и храма в Радонеже, где прошло детство Преп. Сергия Радонежского, а по дороге домой весь автобус пел духовные и русские народные песни.

Вторая паломническая поездка называлась «Чудотворные иконы Москвы» с посещением трех московских храмов. Первой была церковь Всех Святых в Красном селе, в которой служит известный московский священник отец Артемий Владимиров. Главная святыня этого храма - чудотворная икона Божией Матери «Всецарица» - точная копия с афонского оригинала, как по размеру, так и по письму. Нужно сказать, что экскурсоводы (хотя лучше выразиться по-церковному, сопровождающие) во время наших паломнических поездок, с момента посадки в автобус и до момента выхода из него, на протяжении всего переезда, подробно и живо рассказывали паломникам все, что необходимо знать о святыне. Таким образом, нас духовно настраивали заранее ко встрече и поклонению святыне. Не взирая на зимнюю погоду, все с большим интересом стояли вокруг сопровождающего и внимательно слушали его во дворе храма. Был будний день, но несмотря на это, в храме было много других паломников, и все мы с молитвой, благоговением и пением подошли к святыне «Всецарице», которая прославилась в России тем, что приносила исцеление раковым больным. На мой взгляд, очень важно быть в паломнической группе, когда вы посещаете святыню. Прикладываясь к святой чудотворной иконе, все мы с церковным пением богородичного содержания составили живую нить людей, истово молящихся перед святым образом, и весь храм молитвенно и духовно ожил. Все в храме вошли в этот дух молитвы и духовного трепета перед святыней, благодаря нашему пению. Там, где

Храм Христа Спасителя ночью после юбилейного концерта в честь 90-летия восстановления Патриаршества на Руси

*Храм Воскресения Христова в Сокольниках.
1913 г. (никогда не закрывался)*

молитва трепетно совершается, там и благодать Божия изливается. В этот момент подошел к нам настоятель этого храма отец Артемий, и сразу же все наши паломники окружили известного московского пастыря, прося у него благословения. После многих теплых слов и приветствий о. Артемий вручил мне кисточку с маслом от чудотворной иконы, и опять все с большим молитвенным подъемом приложились к афонской святыне, и, конечно, все в храме последовали нашему примеру. Как все были счастливы!

Наш автобус поехал ко храму Воскресения Христова в Сокольниках. Храм этот никогда не закрывался, и в нем находится сейчас большое количество чудотворных икон, собранных из разрушенных московских храмов. Я ежегодно совершаю паломничество в Москву с 1989 года, и только во время этой паломнической поездки от Православного Паломнического Центра впервые увидел, какое изобилие великих русских святынь в этом храме, до этого дня для меня неведомых. Как могло такое случиться – для меня это урок на всю жизнь! Еще раз хочу подчеркнуть, как важно всегда стараться быть в группе паломников при посещении святынь! В этом храме находится чудотворная икона Иверской Божией Матери из разрушенной часовни у Воскресенских ворот, чуд. «Страстная» икона Божией Матери из разрушенного Страстного монастыря, на месте которого стоит сейчас театр «Россия» на Пушкинской площади, чуд. «Боголюбская» икона Богоматери со стены Варваринских ворот, и чуд. икона «вмч. Пантелеимона» из Афонской часовни. Перед каждой чудотворной иконой наша группа пела тропарь святому образу, читалась особая молитва иконе и при общем пении, всей группой мы со слезами прикладывались к московским святыням. Видя наше молитвенное настроение, дежурные женщины в храме начали нам показывать все святыне мощи, находящиеся в церкви, и не было конца охватившей нас радости при посещении этого храма. Каждый получил в благословение иконочки на память о посещении храма, а некоторые - большие календари с изображениями этих святынь.

Последний храм нашего паломничества в этот день был в честь Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском селе. И здесь нас посетила неожиданная радость! С правой стороны храма, недалеко от чуд. Тихвинской иконы Божией Матери молодой священник совершал особый молебен для большой группы беременных женщин, которые сидели на расставленных в ряды стульях. После молебна священник обратился со словами духовного назидания этим многочисленным плодоносящим женщинам, после чего пригласил их приложиться к святыне храма, к чуд. Тихвинской иконе в иконостасе, и затем перейти в другое помещение, где опытная верующая медсестра расскажет, что их ожидает при родах. Какая забота Церкви о нашем будущем поколении и о беременных женщинах. Этот же священник с большим радушием принял нашу группу и подробно рассказал об истории храма и ее святынях. Особенность этого храма также в том, что там есть подобие Гроба Господня, к которому все мы истово приложились. На этом наше четырехчасовое паломничество по московским храмам закончилось, но радость и умиление от всего пережитого навсегда останутся в нашем сердце.

Последняя наша паломническая поездка на целый день была в Звенигород по святым местам, связанным с именем Преп. Саввы. До посещения монастыря, названного в честь святителя, мы остановились у памятника Преп. Савве в центре Звенигорода и затем последовали в маленький храм на главной улице городка. Был воскресный день, и нам довелось встретиться с молодым настоятелем, который только что закончил службу и еще в облачении обратился к нам и подробно рассказал, как был восстановлен храм, практически, из руин. Лицо священника сияло добротой, и как трогательно было все то, о чем он рассказывал. И опять, встреча эта была совершенно неожиданной, но очень яркой и запоминающейся. Мы любовались прекрасным деревянным резным иконостасом и удивлялись, что его изготовили на мебельном заводе. Вот это Россия! Затем мы отправились к древнему белокаменному храму Успения на городке XII века, в котором служит известный старец

*Презентация иконы с мощами священномученика
Сильвестра Омского отцу Владимиру для
Свято-Троицкого Собора в Торонто*

архимандрит Иероним. Я его называю старцем, ибо на Руси не так много пожилых священников, и здесь нам посчастливилось встретиться с отцом Иеронимом, который после долгой беседы со священниками в алтаре, затем обратился со словом к нашей группе и рассказал об истории древнего храма и о своей интересной жизни. Который раз настоятель был поражен пераличом, и каждый раз он приходил в себя и совершал паломничество то на Афон, то на Святую Землю. Последний такой случай был совершенно недавно. Я раньше слышал об этом старце и теперь имел радость лично встретиться с ним, поговорить и его послушать!

Под конец дня мы приехали в обитель Преп. Саввы Сторожевского, или Звенигородского, сподвижника Преп. Сергия Радонежского. Действительно понятно, почему в советское время этот монастырь назывался памятником «республиканского значения». Белокаменный собор - один из древнейших соборов времен возведения Троицкого собора в Лавре Преп.Сергия Радонежского и Спасского собора в Андрониевском московском монастыре. Иконы, ранее принадлежавшие обители, все сохранились, и были недавно возвращены в собор из музея. Мощи Преп. Саввы тайно хранились в советское время в доме московских верующих и недавно были переданы монастырю. Мы прослушали очень интересный рассказ о монастыре, и, конечно, пребывание в этой дивной обители было замечательным завершением весьма благодатного дня. Большинство участников нашей группы совершили погружение в святом источнике, и, несмотря на холодную зимнюю погоду, русский православный человек с верой и любовью совершает подобное погружение даже зимой. В игуменском корпусе я встретился с отцом настоятелем, игуменом Саввой, у которого есть родственники в Торонто. Приятна была эта встреча, а наше паломничество к святыням древнего Звенигорода было совершенно незабываемым.

Четвертая паломническая поездка была в Андроников московский монастырь, в музей Преп. Андрея Рублева, где мы любовались древними русскими иконами, после чего посетили одно из учреждений Московского

Патриархата: «Отдел по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата». Все это произвело на нас неизгладимое впечатление.

Казалось, что не будет конца этим многочисленным церковным событиям, в которых я имел счастье принимать живое участие. В первое воскресенье Русская Православная Церковь отмечала 90-летие восстановления Патриаршества (1917-2007 гг.) торжественным соборным богослужением в Храме Христа Спасителя. В этот воскресный день служили все архиереи Русской Православной Церкви во главе со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием, и на мою радость я также имел возможность сослужить со всеми в этот незабываемый для меня день. После литургии я подошел с отцом архимандритом Тихоном Сретенского монастыря поздравить Патриарха и сердечно поблагодарить Святейшего за приезд чудотворной «Державной» иконы Божией Матери, архиереев Русской Церкви и сретенский хор в наш приход в Торонто. Святейший внимательно меня выслушал и ответил, что приезд за границу такой святыни и архиереев послужит делу укрепления единства между частями Русской Православной Церкви. Все старшие священники получили кресты с украшениями в память этого праздника, и я в том числе удостоился такого креста.

В другой день был молебен в Успенском кремлевском соборе по случаю 90-летия восстановления Патриаршества на Руси, и на сей раз, автобусы, направлявшиеся на это богослужение, отходили от Паломнического Центра, где мы обучались, и я воспользовался случаем и поехал с архиереями в Кремль. Ожидая молебна, я подошел к митрополиту Кириллу Смоленскому и рассказал Владыке о том, что мы показывали в нашем приходе фильмы о торжествах, посвященных объединению нашей Русской Церкви в мае 2007 г., а также несколько так называемых «Ток Шоу», в которых он очень удачно выступал. Я сказал Владыке, что подобные документальные фильмы дают всем возможность послушать церковного деятеля и таким образом поближе с ним по-

знакомиться. Вечером того же дня был замечательный церковно-патриотический концерт в большом концертном зале Храма Христа Спасителя, который завершил это юбилейное торжество.

22 ноября в картинной галерее Паломнического Центра состоялось открытие выставки Заслуженного художника Российской Федерации И.Г.Машкова. Генеральный директор центра С.Ю.Житинев в своем вступительном слове рассказал о том, что идея возникновения серии картин «История русского православного паломничества» возникла еще 8 лет тому назад. После обращения к присутствующим, господин Житинев подходил к каждой картине и подробно рассказывал о ее содержании. Мы были в восторге от таланта прекрасного русского художника, который через свои картины передал дух древних времен и состояние души русских паломников.

28 и 29 ноября проходила 4-я общецерковная конференция «Православное паломничество: традиции и современность». На открытии конференции присутствовал митрополит Кирилл Смоленский, председатель Отдела внешних Церковных связей, а также много греческих архиереев и дипломатов. В течение двух дней было выслушано множество докладов участников конференции, приехавших со всех концов России, и все мы почерпнули для себя много полезного и нужного о паломничестве. Во время этой конференции состоялась презентация книги С.Ю.Житинева: «История русского православного паломничества в X–XVII веках». Книга, большого формата и очень содержательная, была нарасхват, и первые экземпляры мгновенно были распроданы, – очень жаль, что мне не удалось ее приобрести.

По окончании конференции для всех участников был устроен торжественный прием, во время которого все могли в праздничной и непринужденной обстановке пообщаться и поделиться впечатлениями.

Следующий день был очень торжественным, ответственным и волнительным. Это был день экзаменов. Все наши слушатели с утра были встревожены и очень переживали. Экзамены принимала комиссия, возглав-

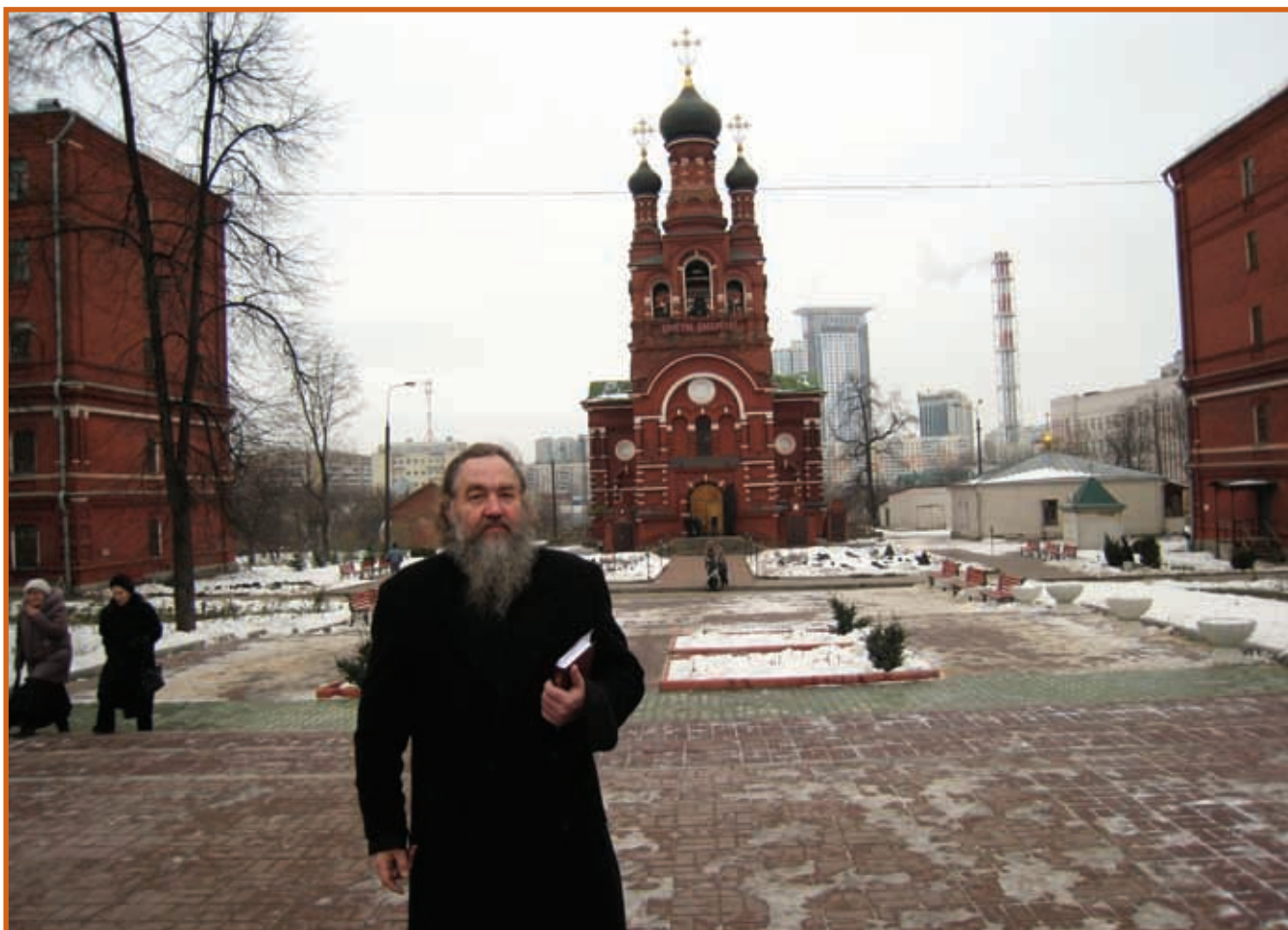
ляемая Владыкой Марком. И, слава Богу, все прошло благополучно. После экзаменов мы собрались в зале, где когда-то слушали доклады, и здесь нас ожидал сюрприз - наша учебная аудитория была превращена в банкетный зал, с ожидающим нас угощением. Мы все были очень тронуты таким вниманием. Владыка Марк в своем слове поделился с нами тем, что, на его взгляд, наш 6-й поток студентов был самый удачный и успешный из всех предыдущих, и торжественно выдал всем участникам дипломы об окончании курсов. Все наши руководители произносили теплые слова в наш адрес. От своего имени, участники курсов вручили памятные настенные часы епископу Марку, С.Ю.Житиневу и еще двум сотрудникам Паломнического Центра в благодарность за все то дорогое и ценное, что руководители центра нам дали. В заключение, хотелось бы отметить, что паломничество до периода перестройки, в советское время, было фактически уничтожено, и за какие-то короткие 15 лет оно было восстановлено и обновлено до такой степени, что почти при каждой епархии действуют паломнические службы, и русские люди опять имеют возможность посещать святыни в России, на Афоне, на Святой Земле и в других святых местах нашего православного мира. Этот колоссальный труд возрождения паломничества взял на себя Паломнический Центр с благословения Святейшего Патриарха Алексия, и из руин и небытия поднял это святое дело на должную высоту. Журнал, издаваемый Паломническим Центром, является одним из лучших свидетельств высокого уровня деятельности Паломнического Центра. И нам, русским православным людям, кому православное паломничество дорого и свято, остается только выразить нашу сердечную благодарность за неоценимый и святой вклад сотрудников Паломнического Центра в дело возрождения русского православного паломничества. Спаси Вас Господи на многая лета!

Протоиерей Владимир Мальченко.

Торонто, Канада.

Апрель 2008 г.

Impressions of a participant of a course, presented by the Russian Orthodox Church, to upgrade qualifications of directors and staff of pilgrimage services

I first learned about the course to upgrade qualifications of pilgrimage directors in Moscow from the minutes of a session of our Synod Abroad. Naturally, I was very glad to have the opportunity to go to Moscow once again, especially as a student at the Pilgrimage Center of the Moscow Patriarchate. It was a great honour for me and I imagine that the Synod sent me because in the course of my entire life I have loved visiting the holy places in Russia, even during the Soviet era when I was a student living in Canada. As a priest of the Church Abroad I have been blessed to be a pilgrim and to organize pilgrimages for my parishioners and altar servers to Mount Athos, the Holy Land, Russia, and to important church events and Canada and the United States. Thanks to the frequent pilgrimages one can observe how the process of churching and spiritual growth of our parishioners gains speed and develops more quickly. Whenever a

new trip is being planned, everyone who has been on a pilgrimage before, who has tasted the spiritual sweetness and joy of a pilgrimage, shows a very lively interest.

I went to the course in Moscow with some trepidation: being a clergyman of the Church Abroad, I had never participated in any church activity organized by the Moscow Patriarchate and could not begin to imagine what to expect. Since 1989 I visited the holy places in Russia annually. As it was with many of our clergy and laity, we were satisfied with travelling incognito. My participation in the three-week course at the Pilgrimage Center was a great novelty because through this course I entered the flow of life of the Moscow Patriarchate for the first time. I do not have the words to express my sincere gratitude to our Synod Abroad for the trust, and to the Pilgrimage Center for the opportunity to be immersed in the very centre of church life of our

Концерт в зале храма Христа Спасителя

Russian Orthodox Church in the motherland, the Church to which I have belonged since May 17, 2007, the grace-filled moment of our unification.

This was the sixth such conference and it took place from November 14-30, 2007 at the Pilgrimage Center. Right from the start all the participants gave a high assessment to both the professional lecturers and the committed and experienced management of the Pilgrimage Center, with its president Bishop Mark, his assistant S.Y. Zhitenev and their numerous helpers. The devoted management of the Center - considerable, experienced, and serious - ensured the great success of these courses. Consider that this was the sixth time these courses were held. Our group had clergy from all the ends of Russia and Ukraine: from Tyumen, from Sumy, from the Chernigov diocese, from Kurgan. A large group of the participants were pious laity of all ages, from Archangelsk, Omsk, Pskov, Kazan, Siberia, Kaliningrad ... and we were immediately united by the main theme of our studies - our love for pilgrimages, and a strong desire to perfect and spread this holy work among our parishioners at the places of our service to the Church.

The courses lasted three weeks and all of our student life, which began with the first lecture at 10:00 a.m. and ended at 6:00 p.m., every day passed smoothly and punctually like clockwork. Vladyka Mark served a moleben before the start of the courses at the church of St. Olga, who is recognized as the first Russian pilgrim. After that, in a large and modern hall equipped with the latest technology, he gave his address. Vladyka began with a question for all: what is the Orthodox understanding of pilgrimage, and how does pilgrimage differ from tourism and from the Roman Catholic understanding of pilgrimage? From the very start we were given profound, meaningful theological thoughts about our subject and, listening to our numerous lecturers from the spiritual schools and serious graduate educational establishments of the city of Moscow, at times I felt as if I were a student at a theological seminary and academy, and at other times at the Moscow State University. What a joy

it was to attend these courses where one could feel that we truly were bettering our qualifications, and how right it is to better one's qualifications in order to bring greater good to the Church! Orthodox pilgrimages are greatly indebted to the person who thought of these wonderful, necessary and very useful courses.

It is interesting to note that not once was anyone late for a lecture, which is miraculous considering the traffic jams in Moscow. With our whole soul we tried not to be late for classes or, God forbid, miss a lecture altogether. We spent 75 academic hours listening to lectures and, since we were told that Vladyka was going to chair the final exams, we tried to record the lectures and take notes. Despite the fact that the participants had been away from such an academic setting for a long time, all of them studied with love - everything was so interesting - and everyone felt responsible to the diocese or the church that he represented. Back in Toronto, our second priest, Father Viatcheslav, called upon the parishioners at home to pray for me to do well on the exams. The larger part of our group stayed with friends in Moscow because it was less expensive, while a good third of us stayed at the Center's hotel. We ate at the cafeteria on the first floor and all of our lessons and meals began and ended with a prayer.

Our program was wide-ranging and serious. We heard lectures on: 1) History, goals and purposes of Orthodox pilgrimage; 2) Geography of Orthodox pilgrimage (about the locations of the most important Orthodox holy places); 3) The relationship between pilgrimage and culture; 4) Methods of conducting a pilgrimage; 5) Basics of safety on pilgrimages; 6) The legal foundation of Orthodox pilgrimage agencies and services; 7) Financial and economic rudiments of organizing an Orthodox pilgrimage; and, 8) The role of advertising in an Orthodox pilgrimage. Each of these important topics was thoroughly developed and delivered to us by highly qualified instructors. Being from abroad, I would say that I was most interested to hear such lectures in Russian for the first time because in Canada I had come in contact with this level of education only in university, and

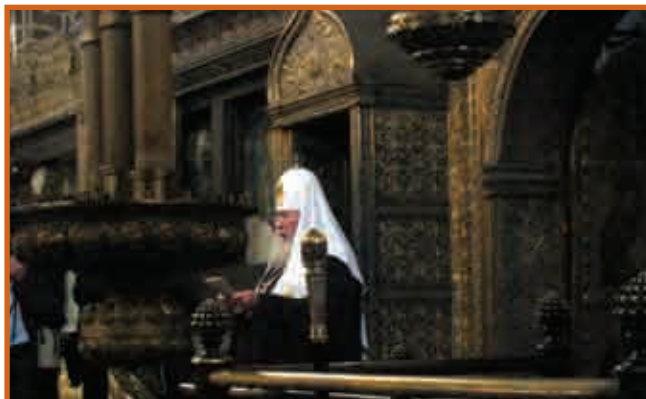

Группа студентов в священном сане (слева из Тюменской области, посередине из Кургана, справа отец Владимир)

that was many years ago, while here everything was taught in Russian with the added theological and church point of view. I did not cease to wonder and rejoice at the fact that the church in Russia has reached such a theological and academic level for its workers in the pilgrimage services who for the most part are laity. To what conclusion one must come regarding the academic level in Russia at theological seminaries, academies and Orthodox universities? The answer is obvious!

Four trips were organized. As a rule they lasted a day, which was very useful for each participant. Here, practice and experience were taught at the same time as the theory. These pilgrimages were organized for all the participants of the courses and for all residents of Moscow who wished to come along. There was a day trip to Holy Trinity-St. Sergius Lavra which I unfortunately missed because, with the blessing of Bishop Mark, on that same day I had an opportunity to serve at the Church of Christ the Saviour for the 90th anniversary of the reestablishment of the Patriarchate. My fellow students told me that the trip turned out splendidly. They visited the Hotkov monastery (the place where the holy parents of St. Sergius are buried) and the church in Radonezh (where St. Sergius spent his childhood) and then on the way home everyone on the bus sang spiritual hymns and Russian folk songs.

The second trip was called «Wonderworking icons of Moscow» and included visits to three Moscow churches. The first church was that of All Saints at the Krasnoye Selo, where Father Artemy Vladimir, well-known in Moscow, is the rector. The principal holy object of this church is the wonderworking icon of the Mother of God «Vsetsaritsa» (“Queen of all”), an exact copy in its size and painting technique of the original from Athos. It must be noted that the guides (though it would be better to say the attendants) during our trips, from the time we boarded the bus to the moment we got out, provided a thorough and lively account of what pilgrims should know about the holy place or object. We were therefore spiritually prepared in advance to meet

Патриарх Алексий читает приветствие в Успенском соборе в кремле во время торжеств в честь 90-летия восстановления патриаршества

and venerate the sacred object. Despite the winter weather, everyone gathered around the attendant in the courtyard of the church and listened attentively with much interest. Considering that it was a week day, there were many other pilgrims in the church and with prayer, singing, and pious trembling we all approached the holy «Vsetsaritsa,» famed throughout Russia for granting healing to those ill with cancer. I should stress why one should try to be in a pilgrimage group when visiting a holy place. Venerating the wonderworking icon, with all of us chanting hymns to the Mother of God, we formed a living line of people zealously praying, and the entire church prayerfully and spiritually came alive. Because of our singing, everyone in the church was filled with this spirit of prayer and spiritual trembling before the holy icon. Where prayer is fervent and candid, there the grace of God is splendid. At that moment we were approached by the rector of the church, Father Artemy, and all of our pilgrims surrounded the Moscow pastor, asking him for a blessing. After many warm words and greetings, Father Artemy handed me a brush with oil from the wonderworking icon and everyone with a prayerful surge once again kissed the holy Athonite icon, and then everyone in the church followed our example. We were all so glad!

Our bus travelled to the church of the Resurrection of Christ in Sokolniki – a church that had never closed its doors and in which there are many wonderworking icons, gathered from the destroyed churches of Moscow. I have gone on a pilgrimage to Moscow every year since 1989 and only on this trip did I for the first time experience such an abundance of Russian holy things, until then unknown to me, in this church. How could this be? It is a lesson I will remember for the rest of my life! How important it is always to stay with a group of pilgrims when visiting holy places! This church has the wonderworking «Iveron» icon of the Mother of God from the destroyed chapel that stood at the Resurrection gates, the wonderworking «Passion» icon of the Mother of God from the destroyed Passion monastery (the Russia Theatre now stands in its place in Pushkin

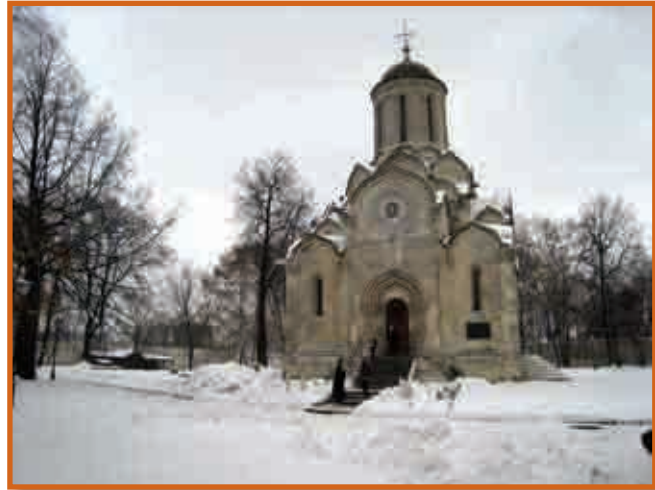

4-я общецерковная конференция «Православное паломничество: традиции и современность»

Square), the wonderworking «Bogolyubskaya» icon of the Mother of God from the wall of the St. Barbara Gates, and the wonderworking icon of the Great Martyr Panteleimon from the Athonite chapel. Before each icon our group sang the appropriate troparion, a special prayer was read after that and, while everyone sang, we venerated Moscow's holy objects. Seeing our prayerful mood, the women working in the church showed us all the holy relics kept in the church, and there was simply no end to the joy that we received visiting there. Everyone got a small icon as a blessing for visiting, while some got large calendars with the photos of these holy items.

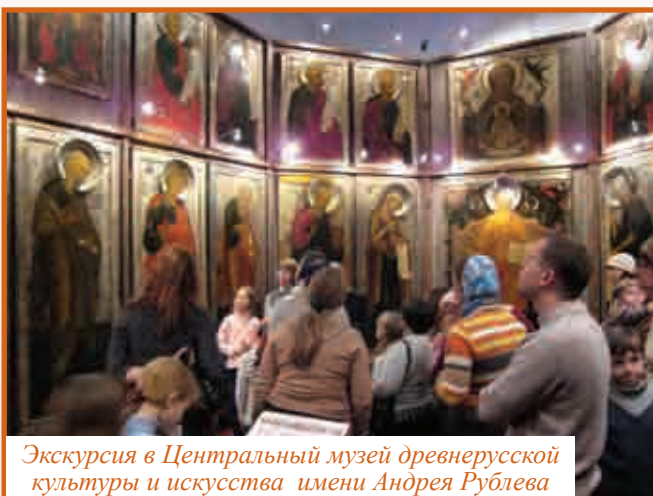
The last church on our trip that day was in honour of the Tikhvin icon of the Mother of God in Alekseevskoye Selo. An unexpected joy awaited us here as well! On the right side of the church, not far from the wonderworking Tikhvin icon of the Mother of God, a young priest was conducting a special prayer service for a large group of pregnant women who sat on chairs set out in rows. After the service, the priest addressed them with words of spiritual counsel and then invited them to venerate the church's holy treasure, the Tikhvin icon in the iconostasis, and then to go to another room where an experienced nurse, a believer, would tell them what to expect during childbirth. What care did the Church show for our future generations and for pregnant women. The same priest received our group with much hospitality and gave us a thorough explanation of the history of the church and its holy things. One unique thing about this church is that it has a likeness of the Lord's tomb in it, which we all venerated fervently. This was the end of our four-hour pilgrimage to Moscow's church, but the joy and tenderness of all that we experienced will never be forgotten.

Our last pilgrimage for the entire day was to St. Savva of Zvenigorod. Before arriving at the monastery of St. Savva, we stopped at the memorial to St. Savva in the center of Zvenigorod and then went to the small local church on the main street. It was Sunday and we were blessed because the young rector of the church had just finished the service and

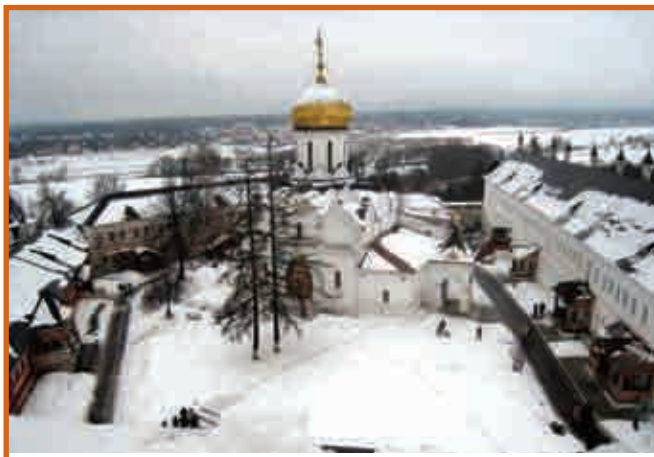

he addressed us while still in his vestments, telling us in detail about the restoration of the church from ruins. Kindness shone through the priest's face and it was so touching to listen to everything, once again, completely unexpectedly and coincidentally. We were impressed by the carved wooden iconostasis and were surprised to learn that it had been made at a furniture factory. This is Russia for you! Then we went to the ancient white stone church of the Dormition in the twelfth century town, where the priest is the well-known elder Archimandrite Ieronim. I call him elder because there are not many elderly priests in Russia. Here we were really blessed because Father Ieronim spoke with the priests in the altar for a long time and then spoke to our group about the history of this ancient church and its interesting life. Many times the rector had been stricken with paralysis, but each time he got better and made a pilgrimage either to Mount Athos or to the Holy Land. This had happened again only recently. Earlier I had heard about this elder and now I had the opportunity to meet him and to speak with him, and hear him personally!

At the end of the day we arrived at the monastery of St. Savva of Storozhevsk, or Zvenigorod. St. Savva was a fellow labourer of St. Sergius of Radonezh. It is easy to understand why in the old Soviet times this monastery had the designation, «significant to the republic.» The white stone cathedral is one of the most ancient, built at the same time as the white stone cathedrals of the Holy Trinity in St. Sergius Lavra and of the Saviour in the Andronik Monastery in Moscow. All of the cathedral's icons were preserved and were only recently returned to the cathedral from a museum. The relics of St. Savva had been hidden at home by faithful during the Soviet era and have also been recently returned to the monastery. We heard a very interesting story about the monastery, and being at this ancient place was a wonderful ending to a very grace-filled day. Most of us from the group were immersed in a holy spring and, despite the cold winter weather, the Russian soul with faith and love is ready for such immersions, even in winter. Unlike the oth-

Экскурсия в Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева

Вид на Саввино-Сторожевский монастырь с колокольни

ers, I did not go into the spring. Although during summer and spring I have always tried to immerse myself in holy springs, I did not brave it in the winter. Maybe I was of little faith, but thought that I had a good reason. While our group went into the spring, I went to the Abbott's building to meet with the father rector, Igumen Savva, who has relatives in Toronto. How pleasant was that meeting and how unforgettable was our pilgrimage to the holy places of ancient Zvenigorod.

Our fourth pilgrimage was to the Andronik Monastery in Moscow, to the museum of St. Andrew Rublev, where we beheld ancient Russian icons and afterward visited the Moscow Patriarchate's offices of the Department for Charity and Social Ministry. All of these visits left an indelible impression on us.

It seemed that there was no end to all the many church events in which I was blessed to participate actively. On the first Sunday during our courses, the Russian Orthodox Church celebrated the ninetieth anniversary of the reestablishment of the Patriarchate (1917-2007) with solemn divine services at the Christ the Saviour Cathedral and other events. That day all of the bishops of the Russian Orthodox Church concelebrated with His Holiness, Patriarch Alexis at the Christ the Saviour Cathedral and much to my joy I was able to serve there as well. After the Liturgy, together with Father Archimandrite Tikhon of the Sretensky Monastery, I approached the Patriarch in order to congratulate him and at the same time to thank him from the bottom of my heart for the visit of the wonderworking Reigning icon of the Mother of God, of the hierarchs of the Russian Church, and of the

Sretensky Monastery choir to our parish in Toronto. His Holiness listened to me attentively and then replied that such a visit to us overseas served to strengthen the unity between the parts of the Russian Church. All the senior priests were presented with a jewelled cross in memory of this celebration, and I received one as well.

Then, in connection with the celebration of the ninetieth anniversary of the reestablishment of the Patriarchate, there was a moleben (prayer service) at the Kremlin Dormition cathedral. This time, buses departed from the Pilgrimage Center where we studied and, making use of the opportunity, along with the hierarchs, I went to the Kremlin. Waiting for the beginning of the moleben, I approached metropolitan Kirill of Smolensk and told Vladyka that at our parish we had shown, with great success, all the films about the celebration of the unity of our Russian Church in May of 2007 as well as several of the talk shows where he took part. I explained to Vladyka that after seeing his very successful appearances at those shows many in our parish, including

myself, changed our opinion of him for the better and that such documentaries give everyone an opportunity to listen to the church leaders and to become better acquainted with them. That evening at the concert hall of the Christ the Saviour Cathedral there was a church and patriotic concert that completed the solemn celebrations.

On November 22, an exhibit of the Merited Artist of the Russian Federation I.G. Mashkov opened at the gallery of the Pilgrimage Center.

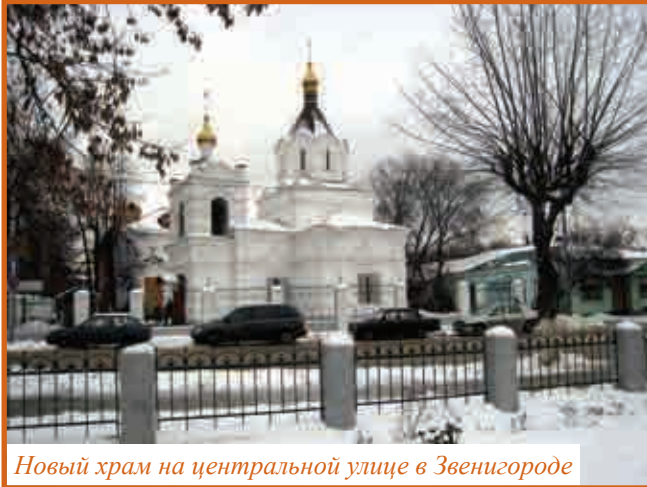
The director general of the center, S.Y. Zhitenev, spoke about the fact that the idea of exhibiting the series of paint-

Генеральный директор Паломнического центра С.Ю. Житенев (слева) объясняет картину заслуженного художника Российской Федерации И. Г. Машкова (справа) во время открытия выставки художника в Паломническом центре

Отец Владимир и художник И. Г. Машков

Новый храм на центральной улице в Звенигороде

ings «A History of Russian Orthodox Pilgrimage» came up eight years ago. After his address, Mr. Zhitenev went up to each painting and gave a thorough description of its content. We admired the talent of the excellent Russian painter who conveyed the spirit and the mood of the ancient times and the Russian pilgrims in his works.

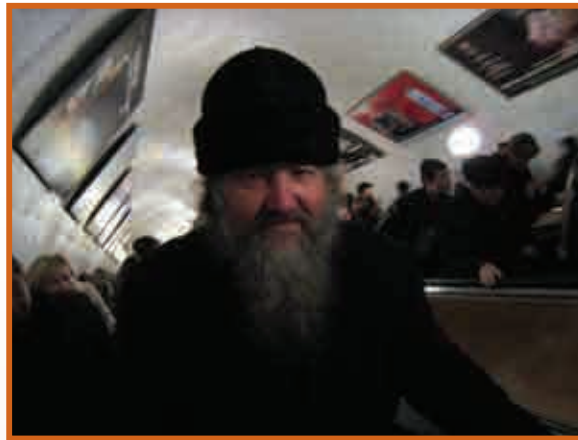
The fourth general church conference, «Orthodox Pilgrimage: traditions and contemporary practices,” took place on November 28-29. Metropolitan Kirill of Smolensk, the head of the Department of External Relations of the Russian Orthodox Church, and many other Greek hierarchs and diplomats took part in the opening of the conference. During this two-day meeting, many lectures and reports were read from various parts of Russia, and all our course participants received much useful and necessary information about pilgrimages. In the course of the conference the book of S.Y. Zhitenev, «A history of Russian Orthodox pilgrimage from the 10th-17th centuries,» was presented. The book is in large format and is very comprehensive – it was a pity I did not manage to get a copy. It went very quickly and the first copies were sold immediately. After the conference, at the dining hall, there was a festive reception for all the participants in our courses where everyone had an opportunity for fellowship and to exchange impressions in a comfortable, informal setting.

The next day, Vladyka Mark along with some others ran the exams. All our students were excited and anxious during the exams. After the exams we gathered in the hall where we had heard our lectures and, to our surprise, it had been transformed into a banquet hall with excellent food and

drink. In his speech Vladyka Mark said that in his opinion this year’s students were the most successful, and then he gave everyone their certificate for completion of the course. All our instructors gave warm speeches. On their part, the participants of the course presented Vladyka Mark, S.Y. Zhitenev, and two other workers of the Pilgrimage Center with wall clocks in gratitude for all the precious and valuable instruction they had provided.

In conclusion, I would like to note that before the Perestroika, during the Soviet era, the possibility of a pilgrimage was practically wiped out and non-existent and now, some short fifteen years later, it has been revived to the extent that every diocese now has an active pilgrimage service. Russian people are once again visiting holy places in Russia, Mount Athos, the Holy Land, and in other parts of the Orthodox world. With the blessing of His Holiness, Patriarch Alexis, the Pilgrimage Center took upon itself the huge and necessary task of restoring pilgrimage from ruin and raised it to the level it warrants. The magazine published by the Pilgrimage Center is the best witness to the high quality of the Center's work. It is now up to us, Russian Orthodox people, to whom Orthodox pilgrimage is dear and

sacred, to express our heartfelt gratitude for the invaluable and holy contribution of the workers of the Pilgrimage Center in the task of restoring pilgrimage. May the Lord save and protect you for many years!

*Protopriest
Vladimir Malchenko
Toronto, Canada
April 2008*

«МЫ ЖИВЕМ В ХРИСТИАНСКОЕ ВРЕМЯ...»

26 октября много людей собралось в Свято-Троицком храме в Торонто на встречу с представителем Русской Православной Церкви епископом Венским и Австрийским Илларионом, который был приглашен епископом Монрельским и Канадским Гавриилом совершить Божественную Литургию в день празднования Иверской Иконы Божией Матери. Большой интерес к беседе епископа Иллариона с прихожанами был вызван тем, что многие из присутствующих побывали накануне на премьерном исполнении музыкального произведения «Страсти по Матфею» на английском языке, автором которого является епископ Илларион.

После трапезы, устроенной сестричеством собора, настоятель храма, отец Владимир Мальченко выразил сердечную и искреннюю благодарность Владыке за посещение храма, а также отметил особое, миссионерское

значение состоявшегося накануне концерта.

Епископ Венский и Австрийский Илларион является представителем нового поколения высшего Духовенства Русской Православной Церкви. Кроме несения пастырских обязанностей в своей епархии, епископ написал около 20 книг по богословию, многие из них, «Таинство Веры», «Введение в Христианское Богословие» а также другие работы, были опубликованы не только в России, но и за рубежом. Епископ Илларион рассказал собравшимся историю создания своих музыкальных произведений, о его возвращении к духовному музыкальному творчеству, которое произошло после почти 20-летнего перерыва, после того, как епископ, в прошлом студент консерватории, оставил учебу, приняв решение посвятить себя Богу и Церкви.

Присутствующие на встрече услышали откровен-

ный рассказ Владыки о том, как он нашел свою дорогу к служению Богу: он рос и воспитывался в традициях атеистического общества Советского Союза, был музыкантом, студентом консерватории, служил в армии – скорее жил обычной жизнью, жизнью многих людей, выросших в то время в России, той светской жизнью, которая как бы никак не соприкасалась с религией. Тем не менее, ему было дано увидеть его настоящее предназначение в жизни, несмотря на то, что его решение прекратить многообещающую карьеру музыканта и посвятить свою жизнь Богу и Церкви было очень непросто воспринято его семьей и друзьями. С большим пониманием и христианской любовью епископ Илларион затронул тему укрепления Веры в тех людях, которые совсем недавно нашли свою дорогу к Церкви». Каждый из них,- сказал Владыка,- пришел по какой-то своей причине, чаще всего столкнувшись с такими проблемами в жизни, которые невозможно разрешить никаким другим путем, кроме как с помощью обращения к Богу и Молитве.» Владыка высказал свое пастырское объяснение значения и смысла Молитвы для христианина и спасения его души, подчеркнув при этом, что умение молиться невозможно преобрести сразу, что это умение – как искусство, которое требует постоянной тренировки, то есть наших усилий и нашего преодоления собствен-

ной лености.

Свой рассказ о пути к Вере епископ продолжил глубокими рассуждениями о значении Православия для людей в современной России, для русских людей за границей и о значении Православия в современном мире. Владыка высказал свое глубочайшее убеждение в том, что многочисленные высказывания обществоведов из различных стран о кризисе христианской религии в современном мире опровергаются самой жизнью: в Православные храмы России приходят все больше и больше молодых людей, для которых важны ценности Православной Веры и Церкви, в России строится большое количество новых храмов, вкладываются огромные средства в реставрацию старых церквей и возрождение монастырей, растет количество прихожан среди новых эмигрантов в приходах Русской Православной Церкви Заграницей, чему немало поспособствовало историческое воссоединение церковью 2007 года. Епископ Илларион обратил внимание на то, что на Богослужении и последующей встрече с прихожанами Свято-Троицкого храма присутствовали и дети, и подростки, и молодые люди, и представители среднего и страшего поколения людей, что, безусловно, по словам Владыки, «является одним из неоспоримых доказательств того, что мы живем в христианское время».

Н.Шевелёва

Герой Куликовской битвы. Боброк Волынский. Худ. Виктор Маторин

Вопросы и ответы священника

В семье протоиерея Александра и матушки Марии Ильяшенко 12 детей и уже 15 внуков. Отец Александр – настоятель храма Всемилоственного Спаса в Москве, кроме того, он работает в секторе МВД Отдела Московского Патриархата по взаимодействию с вооруженными и правоохранительными органами, читает лекции в академии МВД, а также руководит работой портала «Православие и мир» – одного из крупнейших православных сайтов.

Отец Александр рассказывает о проблеме взаимоотношений отцов и детей.

(окончание)

- Батюшка, а к чему же может привести такое неуважение к старшим, которое мы сегодня видим повсеместно?

- Оно уже привело к тому, что современная молодежь стала источником агрессии: страшно вечером и выйти на улицу. Утрачена чистота нравов, человек сам себе господин и хозяин, он живет, относясь к жизни потребительски. Почтительным уважением к старшим, причем не только к родителям, мы воздаем долг благодарности их жизненному подвигу, их труду и заботе о настоящем. Но, если мы считаем, что заслужили это как некий

дар, который можно принять готовым, то это означает проявить неблагодарность. Значит, и к нам в свое время будут относиться неблагодарно. Неблагодарность – это такой негативный заряд, который приводит к тому, что от жизни будет уже нечего ждать, и зло умножится, а доброе будет теряться перед таким напором зла.

Приведу такой пример: в Государственном историческом музее есть один интересный экспонат: модель железнодорожной станции, которую сделали ученики реального училища в подарок Государю Императору Николаю II ко дню коронации. Представьте себе: реаль-

ное училище – это современное ПТУ. Могут ли современные учащиеся ПТУ сделать не просто удивительной красоты модель, но такую тонкую, филигранную музейную работу? Утрата нравственных ценностей сказывается на всем, даже на мастерстве.

- Отец Александр, а верно ли, что забвение, небрежность и невнимание к истории во многом способствует развитию такого хамски-циничного отношения к старшим? Знакомые рассказывали леденящую кровь историю о том, как ветерана Великой Отечественной войны обокрали: поскольку брат в доме было нечего, воры унесли только парадный пиджак старика, на котором были прикреплены все его боевые награды. Как он пережил это – не знаю, знаем только, что на Парад Победы на 9 мая он не пошел: стыдно перед однополчанами было без боевых наград появиться. Это уже не просто неуважение, это словно надругательство над всей нашей историей...

- Связь здесь прямая: историческая память выбита прочно, а этот провал не заполнен ничем. Недавно на лекциях в военном училище я спросил первокурсников, кто были современниками: Александр Невский, Батый или Дмитрий Донской. Один курсант робко ответил, что, наверное, Батый и Дмитрий Донской. Остальные промолчали. Это говорит о качестве образования в нашей средней школе, ведь первокурсники – это вчерашние школьники. Школа должна прививать гордость за свою историю, а сейчас в головах у школьников черная дыра, в которой витают отдельные разрозненные мифы.

Воспитание же на примерах исторических, на примерах доблести и отваги прошлого способно сформировать твердый характер и почтение к старшим.

- А что значит «отцы, не раздражайте детей ваших!»?

- Это значит, что каждый человек – личность, сотворенная по образу и подобию Божию, поэтому у человека, независимо от его возраста, нужно уважать

личность. Ты можешь быть строгим, но если ты относишься с уважением, то ты не будешь провоцировать воспитанника, будешь стараться всеми силами его не раздражать, ведь и самые неприятные вещи можно говорить с уважением.

- Последний вопрос о взрослых детях, что делать, если родители слишком настойчиво и требовательно вмешиваются в жизнь уже выросших детей?

- Такие проблемы особенно отчетливы в тех семьях, где один ребенок и все внимание, все силы сосредоточены на нем. Конечно, и в многодетных семьях могут возникнуть такие проблемы, многодетность – это не панацея от проблем, но конечно, такие проблемы преимущественно свойственны маленьким семьям. Инфантильность и эгоизм родителей, родивших одного ребенка, его собственный эгоизм – это то, с чем ребенок может не справиться. Если молодая семья живет вместе со старшими, то это обстоятельство, подчас, способствует возникновению конфликтов, которые нередко приводят к распаду еще не окрепшей семьи. Поэтому нужно всеми силами стремиться разехаться. В этом не проявится никакого непочтения к родителям, с которыми обязательно нуж-

но общаться и навещать, но жить молодой семье надо отдельно. На Руси молодой семье ставили новую избу: собственно, изба и приспособлена для жизни только одной семьи – это большая комната, несколько семей в ней едва ли смогут жить. В наше время жилищная проблема стоит очень остро, нужно искать возможности влиять на общественную жизнь, и законными способами добиваться, чтобы власти, содействовали решению жилищных проблем.

Беседовала Анна Данилова

Интервью опубликовано в мартовском номере православного журнала «Виноград»

*Московский князь Дмитрий Донской.
Худ. Виктор Маторин*

Азбука Православия

Жертвенник

- стол, на котором совершается проскомидия - готовится жертва евхаристии: хлеб и вино. Располагается у северной стены в алтаре слева от горнего места.

В древности существовали различные заамвонные молитвы, читаемые в разное время богослужбного года. В настоящее время существуют заамвонные молитвы: литургии Иоанна Златоуста (и Василия Великого) («Благословляй благословящие Тя...»), содержащая прошения о Церкви, священниках, мирянах и др.; и литургии Преждеосвященных Даров («Владыко Вседержителю, иже всю тварь...»).

Затворник

- монах, совершавший подвиги своего спасения в полном уединении - в затворе.

Заамвонная молитва

- читается священником или архиереем в конце литургии, стоя лицом к алтарю перед амвоном. Заамвонная молитва в составе литургии известна с VIIIв.

Звездица

- две металлические крестообразно соединенные дуги. В конце проскомидии звездица ставится на дискос для предохранения от смешения частиц при покрытии покровами. Символически изображает вифлеемскую звезду.

Православный календарь

7 января -
Рождество
Христово

January 7 -
Nativity of our
Lord Jesus Christ

14 января -
Обрезание Господня и Святителя Василия Великого

January 14 - Circumcision of our Lord Jesus Christ

18 января -
Крещенский сочельник

January 18 - Eve of the
Holy Theophany

19 января -
Крещение Господне

January 19 -
Theophany of our Lord

15 февраля -
Сретенье Господне

February 15 -
Meeting of our Lord

23 февраля - 1 марта -
(Масленица)

February 23 - march 1 - Meatfare Week

2 марта - 18 апреля - Великий пост

March 2 - april 18 - Great Lent

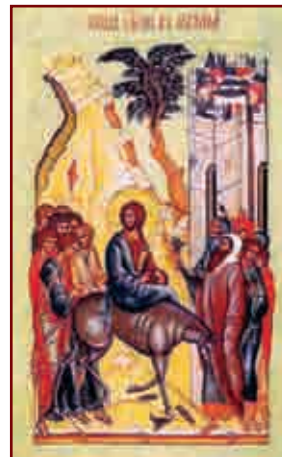

7 апреля -
Благовещенье
Пресвятой Богородицы

April 7 -
Holy Annunciation

12 апреля -
Вход Господень
в Иерусалим
(Вербное Воскресенье)

April 12 -
Entry of our Lord into
Jerusalem (Palm Sunday)

19 апреля -
Пасха Господня

April 19 - Pascha
Bright Week, the Resurrection
of our Lord Jesus Christ

Всё начиналось со словаря

К 225-летию Российской академии

Как известно (хотя, быть может, далеко не всем), основными целями Федеральной целевой программы «Культура России: 2006–2010» являются «сохранение культурного наследия Российской Федерации; формирование единого культурного пространства, создание условий для обеспечения выравнивания доступа к культурным ценностям и информационным ресурсам различных групп граждан; создание условий для сохранения и развития культурного потенциала нации; интеграция в мировой культурный процесс, а также обеспечение адаптации сферы культуры к рыночным условиям». Что ж, звучит вполне амбициозно. Иметь такую стратегию государственной культурной политики все-таки лучше, чем не иметь никакой. Однако опыт предков показывает: двести и более лет назад русские люди, не располагая и тенью современных административных возможностей, умели не только ставить перед собой не менее масштабные культурно-просветительские задачи, чем «создание условий для обеспечения выравнивания доступа», но и выражать их более ясными словами. И это тогда, когда русский литературный язык еще только создавался.

Княгиня

«...Однажды я гуляла с императрицей по Царскосельскому саду. Речь зашла о красоте и богатстве русского языка. Я выразила мое удивление, почему государыня, способная оценить его достоинство и сама писатель, никогда не думала об основании Российской академии.

Я заметила, что нужны только правила и хороший словарь, чтобы поставить наш язык в независимое положение от иностранных слов и выражений, не имеющих ни энергии, ни силы, свойственных нашему слову.

– Я и сама удивляюсь, – сказала Екатерина, – почему эта мысль до сих пор не приведена в исполнение. Подобное учреждение для усовершенствования русского языка часто занимало меня, и я уже отдала приказание относительно его.

– Это поистине удивительно, – продолжала я. – Ничего не может быть легче, как осуществить этот план. Образцов для него очень много, и вам остается только выбрать из них самый лучший.

– Пожалуйста, представьте мне, княгиня, очерк какого-

нибудь, – сказала императрица...

– Этот труд невелик, государыня, и я постараюсь выполнить ваше желание как можно скорей. Но у меня нет нужных книг под рукой, и я убеждена, что кто-нибудь из ваших секретарей сделал бы это лучше моего.

Императрица настаивала на своем желании, и я не сочла нужным возражать дальше.

По возвращении домой вечером я стала рассуждать, как лучше исполнить это поручение, и начертила некоторый план, желая передать в нем идею будущего заведения. Я послала этот проект императрице, думая тем удовлетворить ее желанию, но отнюдь не считая его достойным принятия и практического применения. К крайнему моему удивлению, Екатерина, лично возвратив мне этот наскоро набросанный план, утвердила его собственной подписью как вполне официальный доку-

мент и вместе с ним издала указ, определивший меня президентом новой академии».

Так (или почти так) в 1783 году во время осенней загородной прогулки, с легкой руки княгини Екатерины Романовны Дашковой, в России были заложены основы государственной культурной и языковой политики. В отличие от Академии наук, основанной еще Петром I как государственное исследовательское учреждение, Российская академия была задумана как «вольное общество» ученых и писателей, субсидируемое правительством. Ее главными задачами, согласно уставу, были «вычищение и обогащение русского языка, общее установление употребления слов оного, свойственное оному витийство и стихотворение». На академию возлагалась обязанность составить русскую грамматику, словарь русского языка, риторику и правила стихосложения.

Соответственно поставленным задачам был подобран и кадровый состав. Екатерина II с немецкой щепетильностью проследила, чтобы в руководящие органы учреждения, занимающегося русским языком, не просочилось ни одного (!) иностранца. Немецкое засилье в старой академии казалось непобедимым, французское влияние при дворе сменялось прусским, но большинство действительных членов и сотрудников Российской академии вплоть до ее закрытия в 1841 году могли по-прежнему гордиться русским или, по крайней мере, славянским происхождением. Среди них встречались даже столь презираемые интеллектуалами эпохи Просвещения священники и епископы. Не расстриги-аббаты, как во Франции, а верующие и служащие!

Выбор императрицы остановился на Дашковой не только в знак признания ее услуг во время дворцового переворота 20 лет назад. Бывшая ангальт-цербстская принцесса оценила желание княгини возвести русский язык в ранг великих литературных языков Европы. Первым неременным секретарем

Екатерина II

княгиня Екатерина Романовна Дашкова

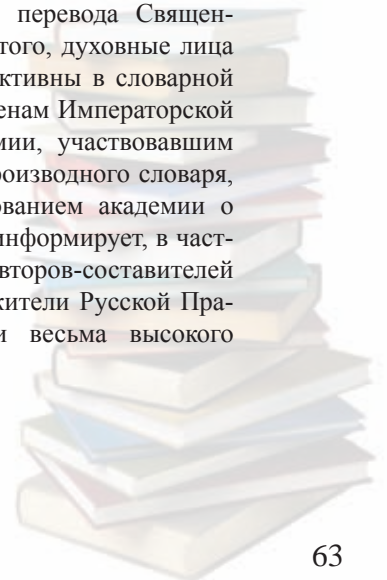
и душой академии стал солдатский сын, автор одного из основных географических описаний России, знаток русского языка и блестящий стилист Иван Иванович Лепехин. В члены немедля записались лучшие писатели своего времени Денис Фонвизин и Гаврила Державин. В последующие годы академиками стали Василий Жуковский, Иван Крылов, Петр Вяземский, а с 1833 года и Александр Пушкин.

Важнейшую роль в развитии и расширении русского языкового пространства сыграло учреждение так называемого «переводческого департамента» академии, имевшее целью доставить русскому обществу возможность читать лучшие произведения мировой литературы на родном языке.

Но главным научным и культурным достижением академии,

конечно же, следует считать издание толкового словаря русского языка. Первое издание, 1789–1794 годов, завершенное еще при Дашковой, насчитывало 43 тысячи слов. Второе, расширенное до 51 тысячи, закончилось лишь к 1822 году. Третье издание этой серии – «Общий церковно-славяно-русский словарь» (1834) – содержал уже 63 с лишним тысячи слов.

Без этих академических проектов немислимо было бы не только появление толкового словаря Владимира Даля, но и русский перевод книг Ветхого и Нового Завета. Нужно специально подчеркнуть, что работа над словарями Российской академии определила сам язык синодального перевода Священного Писания. Кроме того, духовные лица были чрезвычайно активны в словарной работе. «Список членам Императорской Российской академии, участвовавшим в издании словопроизводного словаря, с засвидетельствованием академии о трудах каждого» информирует, в частности, что из 35 авторов-составителей словаря 13 – служители Русской Православной Церкви весьма высокого ранга.

И.И. Лепехин

Д. Фонвизин

Г. Державин

В. Жуковский

Адмирал

На исходе XVIII столетия Российская академия породила еще двух крупных идеологов, во многом определивших направление государственной культурной политики в начале нового века. Старший из них, адмирал русского флота Александр Семенович Шишков, был введен в число действительных членов академии в 1796 году. С этого момента он посвятил ей почти 45 лет, из которых 27 он был ее президентом.

Деятельность Шишкова сыграла важную общественную роль. И дело совсем не в его многочисленных ученых обязанностях. Среди петербургской публики, горячо увлеченной всем иноземным, особенно французским, Шишков одним из первых открыто заговорил о национально-культурных особенностях России и проблемах охраны чистоты русского языка. Его главные сочинения «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» (1803) и «Рассуждение о любви к Отечеству» (1812), ставшие символом нарождающегося русского консерватизма, привлекли внимание и Александра I.

Молодой, мечтавший во всем подражать своей просвещенной бабушке царь, окруженный аристократами-либералами, многие из которых еще не так давно участвовали в заговоре против его отца, желал изменить Россию к лучшему, окончательно сблизив ее с Европой. Но одновременно он не мог не чувствовать нарастающую враждебность европейского мира к управляемой им стране и точно такое же глухое недовольство в народе, все меньше понимавшем, ради чего стоит кормить своих «офранцузенных бар».

«У любви к Отечеству есть только три надежных основания – вера, воспитание и язык!» – сегодня такие

простые, почти банальные рассуждения могут вызвать улыбку даже у консерватора, но тогда...

«Какое знание можем мы иметь в природном языке своем, – восклицал Шишков, – когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находят на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствитель-

но получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своем никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оного, но еще многие из них сим постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством, хвастают и величаются».

«Для познания богатства, обилия, силы и красоты языка своего, – продолжал он, – нужно читать изданные на оном книги, а наипаче превосходными писателями сочиненные».

Дело не ограничивалось только рассуждениями. Будучи одним из самых деятельных членов академии, Шишков вместе с Державиным в 1811 году организует одно из первых русских литературных обществ – «Беседу любителей русского слова», на заседаниях которого регулярно заслушиваются образцы церковнославянской и древнерусской литературы. Среди них особое место сразу занимает «Слово о полку Игореве», а также русские переводы античной классики.

Одним из деятельных членов «Беседы...» стал молодой дипломат Александр Грибоедов. Именно там, возможно, родились горькие строки его комедии:

*Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев,
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.*

А.С. Шишков

И. Крылов

П. Вяземский

А. Пушкин

«Когда государство и народ желают благоденствовать, то первое попечение его долженствует быть о воспитании оных чад своих в страхе Господнем, в напоении сердец их любовью к вере, откуда проистекает и любовь к государю, к сему поставленному от Бога отцу и главе народной, любовь к Отечеству, к сему телу великому, но не крепкому без соединения с главой своей, и, наконец, любовь к ближнему, под которой разумеются сперва сограждане, а затем и весь род человеческий. Отсюда явствует, что воспитание должно быть отечественное, а не чужеземное».

Эти слова Шишкова, высказанные далеко не легким слогом, на 100 лет легли в основу российской державной мысли, которую в министерских кабинетах позднее формулировали как «Православие, самодержавие, народность», а в солдатских окопах – «За веру, царя и Отечество». Главный удар здесь наносился по предтечам сегодняшних фондов Сороса и Бригганских советов – иностранным учителям и учебным заведениям. Шишков отмечал: «Откуда иностранец возьмет сии чувствования? Он научит меня своему языку, своим нравам, своим обычаям, своим обрядам, воспалит во мне любовь к ним, а мне надобно любить свои. Две любви не бывают совместны между собою».

К речи Шишкова, произнесенной в Москве весной 1812 года, дворянство отнеслось без должного внимания, а вот московское мещанство и купечество захотело услышать ее еще раз и в более обширном помещении. И опять звучали взволнованные слова адмирала, его сокровенные мысли о проблемах национальной культуры: «Народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения. Оно

А. Грибоедов

не действует в настоящее время, но приготовляет счастье или несчастье будущих времен и призывает на главу нашу или благословение, или проклятие потомков. Оно медленно приносит плоды, но когда уже созреют оные, нет возможности удержать их от размножения».

Журналист

Завтра была война. Войска Наполеона, в июне перешедшие Неман, к сентябрю дошли до Москвы и сожгли ее. Шишков, назначенный в мае 1812 года государственным секретарем, становится автором практически всех публичных текстов, исходящих от лица императора. Составленные им и подписанные Александром I высочайшие манифесты читаются во всех концах огромной империи. Теперь никто не называет их язык слишком высокопарным, напыщенным или архаичным. «Воины! Вы защищаете веру, Отечество, свободу. Я с вами! На зачинающего Бог!» – люди в салонах и на рыночных площадях встречают эти слова, обнажив головы, затаив дыхание так же, как их потомки будут прислушиваться к каждой букве в сводках Совинформбюро. Языковые установки Шишкова уже не в теории, а на практике формируют национальное самосознание.

В Москве, а потом и в Нижнем Новгороде слова этих манифестов наверняка слушает и бывший литературный противник Шишкова Николай Михайлович Карамзин. Выдающийся журналист конца XVIII – начала XIX веков, когда-то начинавший с проповеди «всемирного гражданства» и всеобщего просвещения, Карамзин давно уже работает над созданием «Истории государства Российского». К концу 1812 года закончено шесть томов. Культурно-политический резонанс первого издания еще далеко впереди. Но уже написана и подана государю важнейшая аналитическая «Записка о древней и новой России», принятая, кстати говоря, далеко не так благосклонно, как труды Шишкова.

Касаясь всех отраслей внутренней и внешней политики и впервые со времен боярской оппозиции Петру критикуя решения власти в историческом контексте,

Карамзин не проходит и мимо культурной политики. Его анализ петровских преобразований полон сожаления о принятой тогда на вооружение властью модели формальной европеизации русской элиты. «Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце, – утверждает Карамзин. – Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? Любовь к Отечеству питается сими народными особенностями, безгрешными в глазах космополита, благотворными в глазах политика глубокомысленного. Просвещение достохвально, но в чем состоит оно? В знании нужного для благоденствия – искусства, искусства, науки не имеют иной цены. Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два государства могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Пусть сии обычаи естественно изменяются, но предписывать им уставы есть насилие, незаконное и для монарха самодержавного».

В этих строках нет и следа некогда «фирменного» сентиментального стиля автора «Бедной Лизы». Длительное общение с древнерусскими историческими и литературными источниками изменило сам характер мышления Карамзина. В 1818 году, по рекомендации Шишкова, ставшего к тому времени президентом Российской академии, Карамзин тоже становится ее действительным членом.

«Академия Российская ознаменовала самое начало бытия своего творением важнейшим для языка, необходимым для авторов, необходимым для всякого, кто желает предлагать мысли с ясностью, кто желает понимать себя и других. Полный словарь, изданный академией, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев: наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями... Не имев участия в сих трудах, я только пользовался ими; следственно, могу хвалить их без нарушения скромности и с чувством внутреннего удовлетворения», – заявляет он в своей вступительной речи.

Тома «Истории государства Российского» между тем покупали нарасхват, ими интересовались и при дворе, и во всех слоях образованного общества. Пушкин писал: «3000 экземпляров разошлись в один месяц, чего не

ожидал и сам Карамзин... Это злободневно, как свежая газета».

«История...» имела огромный общественный резонанс, больший, чем любой другой исторический труд, написанный до и после 1818 года. Восклицание известного скульптора Федора Толстого после прочтения Карамзина: «Оказывается, у меня есть Отечество!» – выражает ощущение многих образованных людей той эпохи. И это было не только заслугой историка или публициста, это было успехом нового мировоззрения, залогом вступления в жизнь нового поколения победителей, которые, несмотря на европейский характер своего образования, свободно и с увлечением рассуждают о России на русском языке.

К сожалению, многие из этих молодых людей, с оглядкой на Францию, предпочли поступательному созреванию национальной культуры в русле Православия и медленному восстановлению культурно-исторической преемственности радикальный и безбожный революционный патриотизм. Но даже будущие декабристы уже строили свои планы на основании своей культуры, а не в оппозиции к ней, как их многочисленные предшественники – заговорщики эпохи дворцовых переворотов.

Карамзин переживет события междуцарствия конца 1825 года лишь на несколько месяцев. Шишков встретит несостоявшийся переворот в ранге министра просвещения и подаст в отставку через два года. Пост президента Российской академии сохранится за ним пожизненно до 1841 года. Позже самостоятельность центра русской словесности просто ликвидируют, включив в академию наук на правах отделения.

Но запущенный и раскрученный нашими героями культурный и языковой процесс уже никто не сможет остановить. На плечах филологических и исторических изысканий в XIX век величаво входили русская литература и русская наука. Мировое значение этих явлений к концу столетия было неоспоримо.

А ведь все начиналось со словаря!..

*Артеми Ермаков
Православие.Ру*

Н.М. Карамзин

Дар русского мецената

Двести шестьдесят тысяч евро - такова общая стоимость двух полотен художников начала XX века, переданных в середине февраля 2008 года в дар Государственному музею изобразительных искусств им. А.С. Пушкина известным коллекционером, нашим соотечественником князем Никитой Лобановым-Ростовским, потомком великого Рюрика в тридцать третьем поколении. Это «Меланхолия поэта» (1916) Джорджо де Кирико и «Зеленый зигзаг» (1924) Тео Ван Дуйсбурга. Картины подарены музею в знак благодарности его директору Ирине Антоновой за организацию в 1988 году в ГМИИ выставки произведений русского искусства из коллекции семьи Лобановых-Ростовских. В благодарственном слове Ирина Антонова заметила, что обретенная работа Джорджо де Кирико дополнит пока немногочисленную коллекцию произведений художника, а небольшая гуашь Тео Ван Дуйсбурга продолжит ряд «представителей мощного течения абстрактной живописи, выросшего на открытиях Малевича и Кандинского». Директор музея также выразила надежду, что когда-нибудь коллекция Лобановых-Ростовских полностью перейдет в ГМИИ, потому как меценатство для музея, не имеющего материальных средств для участия в аукционах, является единственной возможностью пополнить свое собрание.

«Возвращением к глубинным русским корням» назвал поступок князя министр культуры Российской Федерации Александр Соколов, вручая меценату диплом действующего члена Петровской академии наук и искусств.

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский сказал на церемонии, что сердце его всегда с Россией. Любопытно, что это сказано человеком, который родился в Болгарии, имеет гражданство США, а живет в Лондоне.

Кстати, князь Никита Лобанов-Ростовский в молодости пережил тяжёлые испытания – ужас войны, тюремное заключение. В 1960 годах князь работал в Chemical Bank (теперь JP Morgan Chase Bank) в Нью-Йорке, в 1970-х занимал пост вице-президента Wells Fargo Bank в Сан-Франциско, в 1990-х стал кон-

Н. Лобанов-Ростовский

сультантом аукционного дома Кристи (Christie's), а затем Сотби (Sotheby's).

О разносторонности интересов Никиты Дмитриевича можно судить по тому, что он является почетным доктором Санкт-Петербургской академии художеств и академиком Международной информационной академии при ООН в Женеве, членом Американской ассоциации геологов-нефтяников и Американского института инженеров горнодобывающей, металлургической и нефтяной промышленности. А еще он автор ряда научных работ по театральному искусству, банковскому делу и торговле. Никита Дмитриевич принимает активное участие в

жизни российской зарубежной диаспоры, является членом президиума Международного совета российских соотечественников.

Собирать коллекцию живописи Н.Д. Лобанов начал после посещения в 1953 году Дягилевской выставки в Лондоне. Он был настолько впечатлен ею, что решил когда-нибудь собрать подобную коллекцию. Стоимость его собрания живописи эксперты оценивают в \$15 млн.

Ольга Всеславская

*«Меланхолия поэта» (1916)
Джорджо де Кирико*

Народная вышивка

В Северной Америке до сего дня очень популярны лоскутные одеяла. В музеях можно видеть хорошо послужившие, обветшавшие покрывальца из всего подряд: кусочки побольше от еще мало ношенной шерстяной юбки, лоскутки брючной ткани в узкую полосочку, что-то легкое батистовое (в два слоя, для крепости, нижний кусочек просвечивает цветочками), бархат: совсем мало его, может, от мальчуковых выходных штанов. Как карта, а на ней вся история и география семьи. В дело пошло все и остатки привезенной еще с родины одежды, и то, что покупалось, вышивалось и ткалось уже в новом краю.

Бережливые и предприимчивые хозяйки разнообразили лоскутки, добавляя фактуру: делали аппликации, вышивали небольшие мотивы-букетики, буквы, вставляли орнаменты или по верху соединительных швов прокладывали цветные декоративные цепочки. Такие одеяла очень интересно рассматривать. Немножко щемит сердце, когда скользишь взглядом по истрепавшимся, выцветшим, кривеньким, лоскуткам. Язык нужды одинаковый везде.

Есть и профессионально сделанные лоскутные одеяла, не чета бедным собратьям: стежок к стежку, цвет к цвету, формы лоскутков затейливые и бесконечно разнообразные. На сегодняшний день деятельные люди производят эти одеяла на продажу, в подарок, просто для души и, самое интересное, как памятник социальным событиям. На Гавайях, например, собираются женщины у кого-нибудь на веранде вокруг гигантских пледов и за неделю-две аккуратно, как одна рука, сделают одеяло к рождению ребеночка, к юбилею собственного клуба, на память гостю. Подберут символические цвета и мотивы, соответствующие событию. Одним словом, лоскутное одеяло в Северной Америке вещь широко распространенная и уважаемая.

Поэтому я не удивилась, когда Мария Николаевна Благовещенская вручила мне сложенный втрое листик с заглавием «Project Invitation» и мягко, но серьезно предложила прочитать и поучаствовать в проекте.

Это было на одном из последних Караванов, на кух-

Русская вышивка

не Русского Дома. Мы, волонтеры, собрались в кружок, прочитали короткий буклетик. Некто Эстер Брайен обращалась к нашему Русскому Культурно-Просветительному Обществу с предложением буквально приложить руку к созданию всеканадского мега-одеяла из лоскутов. Новизна проекта состояла в том, чтобы собрать по лоскуту от каждой нации, живущей в Канаде. Так сказать, на память потомкам

и для поднятия мультинационального престижа. Квадратик ткани, отведенный для самовыражения, должен быть в пядь величиной и быть узнаваемым сразу: дескать, этот цветок чертополоха и клетчатый фон не иначе как продукт творчества шотландской нации. Технология - по выбору: вышивка, аппликация, кружево и так далее.

Конечно, я принялась вежливо отказываться-кто я, чтобы представлять великий русский народ? Что, у меня есть громкое имя или впечатляющие работы в этом жанре? Но так повернулось, что многие из присутствующих при этом первом разговоре оказались сведущими в вопросах рукоделия. Мы покрутили дело так и этак, и выпало мне взяться за исполнение работы. Было страшновато. И напрасно: Эстер и жюри, отбиравшие работы для окончательного монтажа фрагментов в одно целое полотнище, отдавали предпочтение работам людей «из глубинки».

Теория была примерно такая: мастерица переняла ремесло от мамы, та - от бабушки и т.д. То есть, эти люди и есть истинные живые носители народного творчества в первозданном виде. С теорией можно не соглашаться, но на практике все получилось более чем хорошо. Ав-

Выставочная галерея

торы не стремились «убить наповал» зрителя великолепно исполненным штампом. К тому же мудрая Эстер подошла к делу совершенно нестандартно: она посетила на своей старенькой машине, не считаясь с расстояниями, почти каждого откликнувшегося на ее призыв добровольца.

Поскольку письма она рассылала по хорошо продуманной схеме - по церквям, землячествам, маленьким общественным организациям, кружкам любителей народного творчества и так далее, действительно зачерпнулся простой народ, бережно относящийся к своей оставленной Родине и по-своему, по-домашнему, сохраняющий память о своей стране. Не забыла Эстер и коренные народности Канады - множество фрагментов в разнообразной технике, очень оригинальные, украшают ныне весь нижний ярус этого панорамного полотна - Quilt of Belongin.

Трудно перевести эти слова на русский язык, потому что в нашем традиционном творчестве искусство лоскутного одеяла не имело символического значения, не выходило за рамки бытового назначения. Так что найти сюжет и выбрать технику исполнения моего кусочка этого Quilt of Belongin было очень сложно. Эстер обещала заехать посмотреть на эскиз, когда он будет готов.

4 месяца ушло на обдумывание темы и композиции. Постепенно сложилось: в середине - маленький, очень российский сюжет, легко узнаваемый, что-то простое и понятное, вышить гладью, заключить его в рамку из как можно более простых, желателен скопированных с древнего подлинника, сюжетов, вышитых традиционными швами-строчкой и крестиком. Так сказать, соединить то, что пришло из глубины веков с более современ-

ной символикой.

Но что конкретно? И где в Канаде найти образцы русского народного искусства? Причем мне же надо сосчитать стежки, видеть их толщину, длину, видеть, какие материалы использовались и найти подходящую замену... Я когда-то читала чудесную монографию Масловой «Орнамент русской народной вышивки» и точно знала, что этой уникальной книге научная достоверность сочетается с великолепным качеством иллюстраций, и я бы могла, имея только

одну эту книгу, выбрать элементы бордюра и узнать все, что я бы хотела, о материалах и технике старинной вышивки. Какие у меня были шансы найти в Торонто русскую этнографическую книгу 1978 года выпуска? Поразмыслив, пошла в Текстильный музей в надежде, что при нем есть библиотека. Так оно и оказалось. Библиотекарша с радостью показала все книги, извинилась, что на русском языке вообще ничего нет и никогда не было. Мы просмотрели стеллажи, ничего подходящего не нашли. Стояли на пороге, и я собиралась уходить. Вдруг кипа книг на столе тихо шевельнулась и поползла, скользя, книги. Конечно, мы повернулись на шум. В нижнем слое обнажились ранее прикрытые книги, и среди них - угол со знакомым орнаментом - красные петушки! Это и была книга Г.Масловой, издательство «Наука», Москва, 1978 год! Библиотекарша удивилась моему восторгу и сказала, что этой книги она никогда не видела и понятия не имеет, как она к ним попала на стол.

Тут же мы сделали копии нескольких страниц - я уже

ясно видела, что именно выберу - деревце, как символ сменяющихся поколений, солнышко, дарующее свет и птичку - просто потому, что моя мама рисовала детям и внукам именно таких птичек, ни штриха больше или меньше, именно так, как наши далекие предшественницы вышивали птичек сотни лет назад.

Птички, птички... не поставить ли в середину птицу Сирина, Алконоста, Гамаюна, Феникса? Да, Феникс, которая погибает в огне, а потом неизбежно возрождается вновь. Именно то, чего я желала России - возродиться,

Два месяца ежедневно, после работы, вышивала эту маленькую птичку самыми тонкими нитками. Так и получилась яркая птица с женским лицом, спокойным и строгим, в двойной рамочке из простых и очень древних элементов. Это деревца, солнышки и птички, которые научила меня рисовать моя мама.

Готовое полотнище состоит из 263 квадратиков-лоскутов, представляющих 71 группу коренных народов и 192 национальности, проживающие в Канаде. Размеры очень впечатляющие: 36 метров на 3,5 метра. Пер-

(с лево на право), вышивка Японии, Венгрии, Беларуси, Замбии, Франции, Бразилии и Бельгии

как это не раз бывало в ее истории. Получалось складно с идеей, но как эта птица должна выглядеть? Вспомнились лубки, картины В.Н.Васнецова, иллюстрации И.Билибина. Все эти материалы нашлись в Центральной библиотеке Северного Йорка и библиотеках Университета Торонто и Королевского Музея Онтарио, что было очень приятно. Для вышивки больше подходила маленькая иллюстрация И.Билибина с обложки русских народных сказок. Ее-то я и взяла за основу.

Вый раз Quilt of Belongin был выставлен в апреле 2005 года в Музее Цивилизации в Оттаве. Около 10.000 зрителей посетили эту выставку. С тех пор Эстер с группой волонтеров экспонирует это уникальное произведение коллективного творчества в разных городах Северной Америки. В августе этого года полотнище было выставлено на Exhibition Place.

Вышла книга Эстер Брайен «Quilt of Belongin, the Invitatin Project», первый тираж разошелся моменталь-

Татьяна Шанина и Эстер Брайан

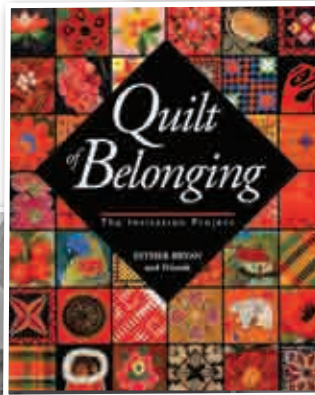
но, вышел второй тираж. Книга построена как сборник рассказов, где автор каждого из лоскутков поделился с читателями своей историей, связанной с этой работой. Эстер сказала, что идея написать книгу пришла во время посещения мастериц и мастеров, когда она отбирала материалы для полотнища. Люди рассказывали настолько интересные вещи, что она попросила разрешения опубликовать маленькие рассказы, право на авторство которых она оставила за самими рассказчиками.

Необычная книга, вроде бы о вышивках, а на самом деле о людских судьбах. Надо сказать, у самой Эстер судьба тоже очень не простая.

Эстер Брайан (рожд. Газдик) родилась и провела раннее детство в Дижоне, Франция. В 1961 году отец, чешский эмигрант, и мать, американка шотландско-немецкого происхождения, миссионеры, переехали в Квебек. С 1974 Эстер с мужем и детьми живет в Виллиамстауне, Онтарио. Эстер - бакалавр искусств Конкордского Университета, что в Монреале. Она известный художник, любит живопись, рисунок, работает с текстилем

**Эстер Брайан
и книга о вышивках**

и пряжей, к тому же отличная пианистка. Об этом говорят больше дюжины личных выставок и участие в многочисленных групповых выставках в Канаде и США. Канадский Музей Цивилизации избрал одну из ее работ для своей постоянной коллекции. Эстер является членом Оттавского Общества Акварелистов и Международного Христианского Общества Изобразительных искусств.

В дополнение, Эстер получила ряд наград и отличий. В мае 2003 ей была пожалована престижная Queen Elizabeth II Golden Jubilee Medal за разработку проекта «Invitation, the Quilt of Belonging».

В последние годы Эстер наряду с работой в своей студии, ведет проект «Art as community». Одна только работа по собирательству образцов прикладного искусства от всех наций Канады вовлекла в поле ее деятельности огромное количество людей от океана до океана. Через маленькие индивидуальные работы разные нации говорят о себе, делятся тем, что для них дорого и важно в их культурном наследии. Собранные вместе, работы служат образцом единения, отражают идеальное понимание глобального культурного сожительства, которое так же может быть достигнуто путем обмена народными традициями и ценностями. После нескольких лет путешествий полотно будет смонтировано в одном из Канадских музеев на постоянное хранение.

Примечание: Татьяна Шанина предоставила молдавскую вышивку, у нее своя история. Не могу умолчать об одном - Эстер не могла найти 4 года образец молдавского народного творчества. Как она радовалась, глядя на замечательную, тонкую молдавскую работу! Это дополнение сделало ее проект законченным. Татьяна - активный член Русско-Канадского культурно-просветительного общества.

Татьяна Жуйкова

Использовались фотографии вышивок из книги Эстер Брайан, <http://www.invitationproject.ca>, и фотографии Оксаны Шлахтер

National embroidery

Patchwork blankets are very popular in North America to this day. In the museums you can see well used spreads and comforters made from everything you can imagine – larger pieces from relatively new woolen skirt, pieces made from pinstripe trouser fabric, something light and airy like batist (ne znaju kak perevoditsja) (used in 2 layers with flower print on the bottom layer), velvet – very few pieces, probably from boy's Sunday pants. Such patchwork blankets serve as a sort of a map – charting down family's geography and history. Everything was used – leftovers from clothes brought from the Old World, new bought clothes, and everything was bought, embroidered and woven already in the New World.

Prudent and industrious housewives tried to diversify the pieces, used in the patchwork blanket by adding texture: they added application (ne unverena chto eto slovo imenno tak perevoditsja), embroidered small motifs such as bouquets of flowers, letters, added ornaments or added decorative embroidery over the connective seams. Such blankets are very interesting to look at. It touches one's heart to look at small, worn, bleached by the sun, uneven pieces. Language of need is the same everywhere.

There are professionally made patchwork blankets, which differ greatly from their poorer counterparts: ideal seams, matching colours, intricate and diverse shapes. Currently such blankets are made for sale, as present, just for fun and what is most interesting – as a memorial for social events. In Hawaii, for example, women gather on somebody's veranda around a great pjal'ca (ne znaju kak slovo perevoditsja) and in 1-2 weeks carefully make a blanket for a newborn baby, for anniversary of their club, as a gift for a guest. They would choose symbolic colours and motifs, suitable for the occasion. So as you can see patchwork blankets are very widespread and popular in North America, that is why I was not surprised when Maria Nikolaevna Blagoveschenskaya gave me a folded piece of paper with a header that read “project invitation” and softly but seriously suggested that I should participate in this project.

This was on one of the last Caravans at the Russian House. Volunteers gathered together and had read the pam-

Russian embroidery

phlet. Ester Brien (ne znaju pravilno li imja napisala) addressed our Russian Cltural and Educational Society (ne unverena v perevode nazvanija) with a suggestion to participate in the creation of all-Canadian patchwork blanket. The

novelty of the project was in gathering each piece from every nation that lives in Canada. This blanket would be something to raise the prestige of our multiculturalism. The size of the square piece to be included in the blanket was of a particular size, in order to make it more recognizable. For example a thistle flower on tartan background is definitely a piece contributed by Scotland. Method of decoration was a free choice: embroidery, application (perevod?), lace, etc.

Of course I tried to politely refuse – who am I to represent the great Russian nation? Do I have a famous name or impressive works in this field? But it turned out that those who participated in this first discussion were quite familiar with such handicrafts. We discussed the matter in more detail and it ended up to be my job to prepare a piece for the blanket. It was a little bit scary, but it turned out that there was nothing to be afraid of: Ester and the judges, who were selecting the works for the final assembly of the pieces in one blanket preferred works done by people (ne znaju kak perevesti “iz glubinki”).

The theory was that the worker learned her skills from her mother, her mother – from grandmother and so on. So these people are in fact true carriers of the “folk art” in its genuine state. It is possible to disagree with the theory, but in reality it turned out quite well. The workers did not aim to “kill” the audience with perfectly made stereotype. Wise

Ester had a personal approach to his project – she visited almost every volunteer who responded to her offer, regardless of the distances.

Because the invitations were sent out according to a well developed scheme – churches, small social organizations, clubs of lovers of folk arts and handicrafts and so on the people who responded were simple enthusiasts, who cared about their Motherland, and in their own way tried to preserve the memory of the country that they had left. Ester did not forget the aboriginal Canadian nations – there are many very original pieces that are done in different techniques, they occupy the lower level of the Quilt of Belonging.

It is difficult to translate these words in Russian because in our traditional art the patchwork blanket did not have a symbolic meaning, it was used just as a usual household item. So it was a challenge to select the theme and technique for my piece for the Quilt of Belonging. Ester promised to come and look at the draft sketch when it would be ready.

Four months were spent on developing the theme for the piece. Gradually all options were narrowed down to something small, traditional and easily recognizable in the middle, embroidered by “glad” stitch, with a frame of simple motifs, preferably copied from an ancient prototype, embroidered in traditional “strochka” and “krestik” stitches. That way it would be possible to unite authentic ancient elements with more modern and easily recognizable elements.

But what in particular should be the main theme? And where in Canada can I find samples of Russian folk art? I need to count the stitches, see their width, length, see what materials were used and find a suitable substitute. Once I had the pleasure of reading a wonderful monograph written by Maslova “ornament of the Russian folk embroidery” and I knew for sure that in this unique book scientific evidence is combined with high quality illustrations, and if I had just that one book, it would be possible to select the elements of the borders and find out all I need to know about the materials and technique of the ancient embroidery. But what were my chances of finding in Toronto a Russian ethnographic book that was published in 1978?!

After giving some thought to this subject I went to the textile museum, hoping that they have a library. So it was. The librarian happily showed me all the books, and apologized that they don’t have any books in Russian and never had them in the past either. We were standing near the exit, I was about to leave. Suddenly a pile of books on the table moved slowly and the books slid aside, rustling quietly. We

Esther Bryan and The Quilt of Belonging

turned to the sound, and to my surprise the fallen pile revealed the bottom layer of books, particularly a book with a familiar red rooster ornament on the cover. It was the book by Maslova, published in 1978 by the “Nauka” publishing house! The librarian was very surprised with my happiness and said that she had never sent his book before and has no idea how it got in the table.

We made several copies of the pages – I could already see what I will choose – a tree as a symbol of changing generations, sun that is giving light and a bird, just because my mother used to draw such birds for her children and grandchildren, no more no less, just as our ancestors used to embroider such birds thousands of years ago.

Birds, birds... why not put in the middle the Sirin bird, Alkonost, Gamajun, Feniks? Yes, Feniks that dies in fire and then resurrects from the ashes. Exactly what I was wishing for Russia – to resurrect, just as it happened more than once in the past. So I liked the idea, but how should this Feniks look like? Lubok images came to mind as well as paintings by V.N.Vasnetcov, illustrations by I.Bilibin. All these materials were available in the North York Central Library and the libraries of University of Toronto and Royal Ontario Museum. Most suitable for the embroidery was a small illustration by I.Bilibin from the cover of the Russian folk tales. I took that illustration as the a basis for my sketch.

For two months every day after work I was embroidering this little bird with the finest threads. So in the end there was a bright bird with woman’s face, calm and strict, in a double frame of simple and ancient elements. They were trees and birds, my mother taught me how to draw them.

The finished blanket is assembled from 263 square pieces, representing 71 native nations and 192 other nationalities which live in Canada. The size of the blanket is very impressive: 36 meters to 3,5 meters. For the first time the Quilt of Belonging was exhibited in the April of 2005 in the

**Tatiana Shanina
and her Moldova block**

Museum of Civilization in Ottawa. Around 10000 visitors attended this exhibition. Since then Ester with a group of volunteers exhibits this unique work of collective art in different cities of North America. In August 2008 this blanket was exhibited at the Exhibition Place in Toronto.

Recently a book by Ester Brian (perevod?) was published. The first edition of “Quilt of belonging, the Invitation Project” (perevod?) was completely sold out, second edition was published. The book is a collection of stories – author of each piece shared their story, connected with the project. Ester said that the idea to write a book came to her when she was visiting the participants of the project when she was selecting the materials for the blanket. People were telling such interesting stories, that she asked permission to publish these stories, leaving the copyright to the story tellers. It’s an unusual book about embroidery, but in fact it’s about people’s fates. Ester’s own fate is far from ordinary as well.

Esther Bryan (nee Gadzik)

Artist. Pianist. Teacher. Wife. Mother. Grandmother. Volunteer.

Esther Bryan was born in Dijon, France to missionary parents, Esther spent her childhood among different cultures. Her father was a Slovak refugee, her mother, an American of Scottish-German heritage. Married in 1974 to musician Gary Bryan, the couple settled in Williamstown where they raised two daughters and a son. Esther earned her Bachelor of Fine Arts from Montreal's Concordia University and has been working as both artist and pianist for the past 30 years. In 1994, Esther accompanied her father to Slovakia, the homeland he had not seen in 43 years. Two years later, this life-changing journey became the focus of a mixed-media one-woman show entitled Return. It was the public's enthusiastic response and people's desire to share

their own stories that fostered Esther's dream to make the Quilt of Belonging. A fellow of the Ottawa Watercolour Society and member of Christians in the Visual Arts International, she is best known for her painting and drawing. She also works extensively in other media, including fibre arts and has one of her pieces in the permanent collection of the Canadian Museum of Civilization. Besides numerous group and juried shows, her art has been presented at more than a dozen solo exhibitions in Canada and the United States. She has received many awards and honours over the years, including the Queen Elizabeth 11 Golden Jubilee Medal in 2003, recognizing her work for the Quilt of Belonging project.

For eight years Esther's 'home away from home' has been the project's Williamstown headquarters overlooking the Raisin River. Guided by her faith and a strong sense of family and community values, her boundless energy has mobilized thousands of volunteers to take part in an incredible journey - an invitation for all cultures to celebrate their common humanity and find their unique place in the Canadian mosaic. After several years of traveling the blanket will be placed for permanent exhibition at one of the Canadian museums.

Note: Tatiana Shanina contributed Moldovan embroidery, she has her own story. Ester had a really hard time to get in touch with Moldovans for four years, hoping to get a sample of Moldovan folk art. She was overjoyed when she saw elaborate Moldovan embroidery. This contribution made her project complete.

*Tatiana Juikova
Translated by: Maria Juikova*

*Photo materials were used from Esther Bryan's book,
<http://www.invitationproject.ca>, and photos
by Oksana Shlakhter, Natalia Shanina*

МОЛИТВА АЛТАРНИКА

(Святочный рассказ)

В Рождественский сочельник после чтения Царских часов протоиерей сетовал:

- Что за наваждение в этом году? Ни снежинки. Как подумаю, завтра Рождество, а снега нет, - никакого праздничного настроения.

- Правда твоя, - поддакивал ему настоятель собора, - в космос летают - вот небо и издырявили, вся погода перемешалась. То ли зима, то ли еще чего, не поймешь.

Алтарник Валерка, внимательно слушавший этот разговор, робко вставил предложение:

- А вы бы, отцы честные, помолились, чтобы Господь дал нам снежку немножко.

Настоятель и протоиерей с недоумением воззрились на всегда тихого и безмолвного Валерия: с чего это он, мол, осмелел? Тот сразу заробел...

- Простите, отцы, это я так просто подумал, - и быстро юркнул в пономарку.

Настоятель повертел ему вслед пальцем у виска. А протоиерей хохотнул:

- Ну, Валерка, чудак, думает, что на небесах, как Дом

быта: пришел, заказал и получил что тебе надо.

После ухода домой настоятеля и протоиерея Валерка, выйдя из алтаря, направился в собор к иконе Божией Матери «Скоропослушница». С самого раннего детства, сколько он себя помнит, его бабушка всегда стояла здесь и ухаживала за этой иконой во время службы. Протирала ее, чистила подсвечник, стоящий перед ней. Валерка всегда был с бабушкой рядом. Бабушка внука одного дома не оставляла, идет на службу - и его за собой тащит. Валерка рано лишился родителей, и поэтому его воспитывала бабушка. Отец Валерки был законченный алкоголик, избивал частенько свою жену. Бил ее, даже когда была беременна Валеркой. Вот и родился он недоношенный, с явными признаками умственного расстройства. В очередном пьяном угаре Валеркин папа ударил его мать о радиатор головой так сильно, что она отдала Богу душу. Из тюрьмы отец уже не вернулся. Так и остался Валерка на руках у бабушки. Кое-как он окончил восемь классов в спецшколе для умственно отсталых, но главной школой для него были

бабушкины молитвы и соборные службы. Бабушка умерла, когда ему исполнилось девятнадцать лет. Настоятель пожалел его - куда он, такой убогий? - и разрешил жить при храме в сторожке, а чтобы хлеб даром не ел, ввел в алтарь подавать кадило. За тихий и боязливый нрав протодиакон дал ему прозвище Трепетная Лань. Так его и называли, посмеиваясь частенько над наивными чудачествами и бестолковостью. Правда, что касается богослужения, бестолковым его назвать было никак нельзя. Что и за чем следует, он знал наизусть лучше некоторых клириков. Протодиакон не раз удивлялся: «Валерка наш - блаженный, в жизни ничего не смыслит, а в уставе прямо дока какой!»

Подойдя к иконе «Скоропослушница», Валерий затеплил свечу и установил ее на подсвечник. Служба уже закончилась, и огромный собор был пуст, только две уборщицы намывали полы к вечерней службе. Валерка, встав на колени перед иконой, опасно оглянулся на них.

Одна из уборщиц, увидев, как он ставит свечу, с раздражением сказала другой:

- Нюрка, ты посмотри только, опять этот ненормальный подсвечник нам воском залет, а я ведь только его начистила к вечерней службе! Сколько ему ни говори, чтобы между службами не зажигал свечей, он опять за свое! А староста меня ругать будет, что подсвечник нечищенный. Пойду пугану Трепетную Лань.

- Да оставь ты парня, пушай молится.

- А что, он тут один такой? Мы тоже молимся, когда это положено. Вот начнет батюшка службу, и будем молиться, а сейчас не положено, - и она, не выпуская из рук швабру, направилась в сторону коленопреклоненного алтарника. Вторая, преградив ей дорогу, зашептала:

- Да не обижай ты парня, он и так Богом обиженный, я сама потом подсвечник почищу.

- Ну, как знаешь, - отжимая тряпку, все еще сердито поглядывая в сторону алтарника, пробурчала уборщица.

Валерий, стоя на коленях, тревожно прислушивался к перебранке уборщиц, а когда понял, что беда миновала, достал еще две свечи, поставил их рядом с первой, снова встал на колени:

- Прости меня, Пресвятая Богородица, что не вовремя ставлю Тебе свечки, но ког-

да идет служба, тут так много свечей стоит, что Ты можешь мои не заметить. Тем более они у меня маленькие, по десять копеек. А на большие у меня денег нету и взять-то не знаю где.

Тут он неожиданно всхлипнул:

- Господи, что же я Тебе говорю неправду. Ведь на самом деле у меня еще семьдесят копеек осталось. Мне сегодня протодиакон рубль подарил: «На, - говорит, - тебе, Валерка, рубль, купи себе на Рождество мороженое крем-брюле, разговейся от души». Я подумал: крем-брюле стоит двадцать восемь копеек, значит, семьдесят две копейки у меня остается и на них я смогу купить Тебе свечи.

Валерка наморщил лоб, задумался, подсчитывая про себя что-то. Потом обрадованно сказал:

- Тридцать-то копеек я уже истратил, двадцать восемь отложил на мороженое, у меня еще сорок две копейки есть, хочу купить на них четыре свечки и поставить Твоему родившемуся Сыночку. Ведь завтра Рождество.

Он, тяжело вздохнув, добавил:

- Ты меня прости уж, Пресвятая Богородица. Во время службы около Тебя народу всегда полно, а днем - никого. Я бы всегда с Тобою здесь днем был, да Ты ведь Сама знаешь, в алтаре дел много. И кадило почистить, и ковры пропылесосить, и лампадки заправить. Как все переделаю, так сразу к Тебе приду.

Он еще раз вздохнул:

- С людьми-то мне трудно разговаривать, да и не знаешь, что им сказать, а с Тобой так хорошо, так хорошо! Да и понимаешь Ты лучше всех. Ну, я пойду.

И, встав с колен, повеселевший, он пошел в алтарь. Сидя в «пономарке» и начищая кадило, Валерий мечтал, как купит себе после службы мороженое, которое очень любил. «Оно вообще-то большое, это мороженое, - размышлял парень, - на две части его поделить, одну съесть после литургии, а другую - после вечерней».

От такой мысли ему стало еще радостнее. Но что-то вспомнив, он нахмурился и, решительно встав, направился опять к иконе «Скоропослушница». Подойдя, он со всей серьезностью сказал:

- Я вот о чем подумал, Пресвятая Богородица, отец протодиакон - добрый человек, рубль мне дал. А ведь он на этот

рубль сам мог свечей закупить или еще чего-нибудь. Понимаешь, Пресвятая Богородица, он сейчас очень расстроен, что снега нет к Рождеству. Дворник Никифор, тот почему-то, наоборот, радуется, а протодиакон вот расстроен. Хочется ему помочь. Все Тебя о чем-то просят, а мне всегда не о чем просить, просто хочется с Тобой разговаривать. А сегодня хочу попросить за протодиакона, я знаю, Ты и Сама его любишь. Ведь он так красиво поет для Тебя «Царице моя Преблагая...».

Валерка закрыл глаза, стал раскачиваться перед иконой в такт вспоминаемого им мотива песнопения. Потом, открыв глаза, зашептал:

- Да он сам бы пришел к Тебе попросить, но ему некогда. Ты же знаешь, у него семья, дети. А у меня никого нет, кроме Тебя, конечно, и Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа. Ты уж Сама попроси Бога, чтобы Он снежку нам послал. Много нам не надо, так, чтобы к празднику беленько стало, как в храме. Я думаю, что Тебе Бог не откажет, ведь Он Твой Сын. Если бы у меня мама чего попросила, я бы с радостью для нее сделал. Правда, у меня ее нет, все говорят, что я - сирота. Но я-то думаю, что я не сирота. Ведь у меня есть Ты, а Ты - Матерь всем людям, так говорил владыка на проповеди. А он всегда верно говорит. Да я и сам об этом догадывался. Вот попроси у меня чего-нибудь, и я для Тебя обязательно сделаю. Хочешь, я не буду такое дорогое мороженое покупать, а куплю дешевенькое, за девять копеек - молочное.

Он побледнел, потупил взор, а потом, подняв взгляд на икону, решительно сказал:

- Матерь Божия, скажи Своему Сыну, я совсем не буду мороженое покупать, лишь бы снежок пошел. Ну, пожалуйста. Ты мне не веришь? Тогда я прямо сейчас пойду за свечками, а Ты, Пресвятая Богородица, иди к Сыну Своему, попроси снежку нам немного.

Валерий встал и, полный решимости, пошел к свечному ящику. Однако чем ближе он подходил, тем меньше решимости у него оставалось. Не дойдя до прилавка, он остановился и, повернувшись, пошел назад, сжимая во вспотевшей ладони оставшуюся мелочь. Но, сделав несколько шагов, повернул опять к свечному ящику. Подойдя к прилавку, он нервно заходил около него,

делая бессмысленные круги. Дыхание его стало учащенным, на лбу выступила испарина. Увидев его, свечница крикнула:

- Валерка, что случилось?-

- Хочу свечек купить, - остановившись, упавшим голосом сказал он.

- Господи, ну так подходи и покупай, а то ходишь, как маятник.

Валерка тоскливо оглянулся на стоящий вдаль кивот со «Скоропослушницей». Подойдя, высыпал мелочь на прилавок и осипшим от волнения голосом произнес:

- На все, по десять копеек.

Когда он получил семь свечей, у него стало легче на душе.

...Перед вечерней Рождественской службой неожиданно повалил снег пушистыми белыми хлопьями. Куда ни глянешь, всюду в воздухе кружились белые легкие снежинки. Детвора вывалила из домов, радостно волоча за собой санки. Протодиакон, солидно вышагивая к службе, улыбался во весь рот, раскланиваясь на ходу с идущими в храм прихожанами. Увидев настоятеля, он закричал:

- Давненько, отче, я такого пушистого снега не видел, давненько. Сразу чувствуется приближение праздника.

- Снежок - это хорошо, - ответил настоятель, - вот как прикажете синоптикам после этого верить? Сегодня с утра прогноз погоды специально слушал, заверили, что без осадков. Никому верить нельзя.

Валерка, подготовив кадило к службе, успел подойти к иконе:

- Спасибо, Пресвятая Богородица, какой добрый у Тебя Сын, мороженое-то маленькое, а снегу вон сколько навалило.

- В Царствии Божиим, наверное, всего много, - подумал, отходя от иконы, Валерка. - Интересно, есть ли там мороженое вкуснее крем-брюле? Наверное, есть, - заключил он свои размышления и, радостный, пошёл в алтарь.

*Из книги «Быть русским.
Листки Святогорского монастыря».*

*Издательство Свято-Успенского
Святогорского монастыря.
Святые (Пушкинские) Горы, 2005г.*

The altar boy's prayer

(A Christmas story)

On Christmas Eve, after the reading of the Royal Hours, the protodeacon was agitated:

“What kind of spell are we under this year? Not even a snowflake. Hard to think that tomorrow is Christmas, and there’s no snow, no holiday spirit.”

“That’s for sure,” agreed the rector of the cathedral, “they fly into the cosmos, they put a hole into the sky, the weather is all mixed up. Is this winter, is this something else? Nobody knows.”

The altar boy Valerka, listening attentively to this conversation, boldly offered:

“Maybe, honorable fathers, you should be praying that the Lord gives us a little bit of snow.”

The rector and the protodeacon eyed the always quiet and speechless Valerka with bewilderment. Where was this coming from? He quickly spoke up, “Forgive me, fathers, that’s what came into my mind,” and darted into the sacristy.

The rector twirled his finger at his temple. The protodeacon chuckled, “Well, Valerka, that funny fellow, thinks that heaven is like a home service store. You show up, order something you need, and get it.”

When the rector and the protodeacon had gone, Valerka left the altar and headed for the icon of the Mother of God “Quick to hear” within the cathedral. From his early childhood, as far as he could remember, his grandmother had always stood here and attended to this icon during the service. She would wipe it up and clean the candle stand that stood before it. Valerka would always be right beside his grandmother. The grandmother would not leave her grandson alone at home. She would go to church services, and take him along with her. Valerka lost his parents at a young age, and so his grandmother raised him. Valerka’s father was a complete alcoholic who would often abuse his wife. He would beat her, even when she had been expecting Valerka. As it turns

out, he was born premature, with clear indications of a mental disorder. In one of his drunken rages Valerka's father threw his mother against a radiator and she hit her head so hard that she gave up her soul to God. The father never returned from prison. So Valerka ended up in his grandmother's hands. Somehow he had been able to complete eight grades and a special school for the mentally disabled, but his most important schooling had been his grandmother's prayers, and the services at the cathedral. His grandmother died when he was nineteen. The rector felt sorry for him - "Where can this poor fellow go?" - and let him live in a little room at the church and, so that he would not be eating for free, brought him into the altar to offer the censer. Because of his quiet and fearful manner the protodeacon gave him the nickname, "Frightened Deer." That's what they called him, laughing often at his naïveté and haplessness. When it came to the services, however, to call him hapless was impossible. What came after what, he knew better than some of the clergy. More than once was the protodeacon amazed: "Our Valerka is a simpleton, in life he understands nothing, but as for the order of services, what an expert!"

As he drew near the icon "Quick to hear," Valerka lit a candle and placed it on the stand. The service had finished, and the vast cathedral was empty but for two cleaning ladies who were washing the floor before the evening service. Valerka, standing on his knees before the icon, looked at them anxiously.

One of the cleaning ladies, seeing him light a candle, said to the other in a vexed manner, "Nyurka, see to it that that abnormal person doesn't yet again melt down wax on that candle stand, because I cleaned it just before the evening service! No matter how many times you tell him not to light candles between services, he does it again! And the warden will complain to me that the candle stand has not been cleaned. I'm going to scare off that Frightened Deer."

"Oh, leave the boy alone, let him pray."

"What, is he the only one here who prays? We pray too, when we are supposed to. Batyushka begins the service, and we pray, but now is not the right time." Then, dropping the mop from her hands, she headed off in the direction of the kneeling altar boy. The other, blocking her path, whispered:

"Don't offend the fellow, he has already been

shortchanged by God, I'll clean the candle stand myself later."

"Well, as you wish," muttered the cleaning lady, wringing a rag, still glaring angrily towards the altar boy.

Valerka, standing on his knees, anxiously listened in on the cleaning ladies' banter and, when he understood that the trouble had passed, got two more candles, placed them alongside the first, and got down on his knees again.

"Forgive me, Most Holy Mother of God, for not lighting candles to You at the right time, but during the service there are so many candles up that You might not notice mine. Besides, mine are little ones, ten kopecks each. And I don't have any money for the bigger ones, and don't know where to get it."

Then he unexpectedly sobbed, "Lord, what I am telling You is not the truth. In fact, I still have seventy kopecks. Today the Protodeacon gave me a ruble. 'Here,' he said, 'is a ruble for you, Valerka, buy yourself a crème brûlée ice cream for Christmas, so you can wholeheartedly break the fast.' I figure, crème brûlée costs twenty-eight kopecks, so I'll have seventy-two kopecks left, and with them I can buy You candles."

Valerka furrowed his brow, deep in thought, counting something to himself. Then he sad joyfully, "I've already spent around thirty kopecks, I've put aside twenty-eight for ice cream, so I still have forty-two, and I want to buy four candles and put them up for Your newborn little Son. After all, tomorrow is Christmas."

Sighing heavily, he added, "Please forgive me, Most Holy Mother of God. During the services there are always many people around You, but in the daytime - no one. If I could I would always be with You here during the day, but You know Yourself, there is much to be done in the altar. I have to clean the censer, vacuum the rugs, fill the votive lamps. But when it's all done, I'll come right to You."

Then he sighed again, "It's hard for me to talk to people, I don't know what to say to them, but with You it's so good, so good! And You understand better than anyone. Well, I must go."

And, getting up from his knees, he went into the altar. Sitting in the sacristy and cleaning the censer, Valerka was dreaming of how he would buy ice cream, which he liked very much, after the service. "It's actually pretty

big, that ice cream,” reasoned the fellow, “I can divide it into two and eat one portion after the Liturgy and the other after Vespers!”

He became happier after such a thought. But remembering something, he frowned and, getting up resolutely, went again to the icon “Quick to hear.” Approaching it, he said very seriously:

“Here’s what I’ve been thinking, Most Holy Mother of God, Father protodeacon is a good man, he gave me a ruble, but with this ruble he could have bought some candles or maybe something else. You understand, Most Holy Mother of God, he is now very upset that there isn’t any snow for Christmas. The caretaker Nikifor, on the other hand, is for some reason quite happy about this, while the protodeacon is unhappy. I want to help him. Everyone always asks You for something, but there’s nothing for which I need to ask You, I just want to talk with You. So today I’d like to ask you for something on behalf of the protodeacon, I know that You love him. He sings the hymn ‘O, my most gracious Queen’ so beautifully for you ...

Valerka closed his eyes, and began to sway before the icon to the rhythm of the melody of the hymn that he had thought of. Then, opening his eyes, he whispered:

“He’d come himself to ask you, but he has no time. You know that he has a family, children. I don’t have anyone but You and, of course, Your Son, our Lord Jesus Christ. You can ask God Yourself to send us a little snow. We don’t need a lot, just enough so that it would become white for the feast, like in church. I don’t think God will refuse You. He is, after all, Your son. If my mother would ask me to do something, I’d happily do it for her. Well, yes, I don’t have a mother, everyone tells me that I am an orphan. But I don’t think I’m an orphan, because I have You, and you are everyone’s Mother, as the Bishop tells us in his sermons. So ask me to do something, and I will certainly do it. If you want, I won’t buy such expensive ice cream, I’ll buy cheaper ice cream, for nine kopecks, made from milk.”

He blushed, cast down his eyes and then, looking up at the icon, resolutely said:

“Mother of God, tell Your Son I won’t buy any ice cream at all, as long as there is a little snow. Come on, please. You don’t believe me? Then I’ll go right now and get candles and You, Most Holy Mother of God, go to Your Son, and ask for a little snow for us.”

Valerka stood up and very resolutely went toward

the candle desk. At the same time, the closer he got, the less resolve he had. Before he got there he stopped and turned around and went back, clutching the remaining change in his sweaty palm. He took a few steps and went back again to the candle desk. Approaching, he began to nervously circle it. His breathing quickened, sweat ran down his forehead. Seeing him, the woman selling candles cried, “Valerka, what’s happened?”

“I want to buy candles,” he said, stopping, lowering his voice.

“Lord, then come and buy them, for you are walking like a pendulum.” Valerka glanced wistfully at the icon-case in the distance holding the icon “Quick to hear. He walked up, spilled his change onto the desk and, in a voice hoarse with emotion, declared:

“All of it, ten kopeck candles.”

When he had bought the seven candles, his heart felt at ease.

... Before the Christmas Vespers snow began to fall unexpectedly with fluffy white flakes. Wherever one would look, white, light, snowflakes twirled in the air. Children poured out of their homes, pulling their sleds behind them. The protodeacon, striding sturdily to the service, had a wide smile on his face, bowing as he went to parishioners heading to church. Seeing the rector, he cried out:

“It’s been a long time, Father, since I’ve seen such fluffy snow, a long time. Right away you feel the Feast approaching.

“Snow, that’s good,” said the rector, “but how can you get anyone to trust the weather forecasters after this? I have been listening intentionally to the forecast since morning and they were assuring us that there would be no precipitation. Can’t believe anyone.”

Valerka, preparing the censer for the service, had enough time to go to the icon:

“Thank you, Most Holy Mother of God, what a good Son You have, ice cream is so small, but look how much snow has fallen.”

“In the Kingdom of God there is probably lots of everything,” thought Valerka as he walked away from the icon.

“Hmm, I wonder if there is ice cream there tastier than crème brûlée? I bet there is!” he thought, concluding his reflections, and joyfully went into the altar.

Христославы

*Под покровом ночи звездной
Дремлет русское село:
Всю дорогу, все тропинки
Белым снегом замело...*

*Кое-где огни по окнам
Словно звездочки горят.
На огонь бежит сугробок
Со звездой толпа ребят.*

*Под окошками стучатся,
Рождество Твое поют.
“Христославы!”, “Христославы!” –
Раздается там и тут.*

*И в нестройном детском хоре
Так таинственна, чиста,
Так отрадна весть святая
О Рождении Христа...*

А. Коринфский

Александр I

Анекдоты из жизни монархов

После занятия Парижа в 1814 году император Александр I и король Прусский однажды решили прогуляться по парижским улицам инкогнито. Разговаривая, монархи оказались в запутанном лабиринте улиц предместья и потеряли дорогу назад. Тогда Александр, не называя себя, обратился к какому-то почтенному французу с вопросом, как пройти в Тюильри.

Француз чрезвычайно любезно вызвался показать дорогу. По пути господин спросил Государя: “С кем имею честь?” “Русский император”, - ответил Александр. “А Вы?” – обратился француз к другому военному. “Прусский король”. Француз усмехнулся и когда Александр спросил его, кто он, ответил: “Китайский император”.

Случай с Шаляпиным

Сидевшая против Шаляпина молодая певица сверкнула глазами:

- А могли бы Вы, синьор Шаляпин, получить аплодисменты в этом театре среди акта, а?

- Хм, пожалуй...

Дело в том, что по традиции в театре “Колон” аплодисменты среди акта были запрещены.

- А я готов спорить, - вмешался Тито Скипа, - Вам это никак не удастся. Здешнюю традицию не смогли нарушить ни Мазини, ни Карузо, - Два ящика шампанского, идет?

Шаляпин сделал решительный жест:

- Согласен!

В тот вечер Шаляпин пел с особой страстностью и вдохновением. Он превзошел самого себя. Ничего подобного “Колон” еще не видел и не знал. Гениальный певец умолк, но звуки его голоса еще плыли в замершем зале. И тут грянул гром, партер и ярусы вздрогнули и заходили ходуном. Многолетняя традиция была нарушена: две с половиной тысячи пар ладоней единодушно аплодировали Шаляпину.

Ф. И. Шаляпин. Худ. Б. Кустодиев

Русский православный календарь 1985г.,
Издательство Зарубежная Русь, San Francisco, CA

Театр “Колон”

Мазини

Карузо

Тито Скипа

Почему елочка зеленая

После Рождества Христова царь Ирод из ревности приказал организовать гонение на младенцев моложе двух лет. Святой Ангел, предупредив Иосифа, приказал Святому Семейству бежать в Египет. Дорога была длинная и трудная. Святое Семейство должно было днем скрываться, а ночью продолжать свой путь. Однажды утром, когда начало светать, Святое Семейство пришло отдохнуть в маленьком поселке. Не успели они еще даже разобрать свои маленькие узелки, как пронеслась о них молва, воины встревожились и начались поиски.

Святой Иосиф поспешно забрал Пречистую Деву Марию с Младенцем и побежали они в темный лес, который начинался у края поселка. Бежали они, бежали и чувствуют, что воины их догоняют. Тут Дева Мария увидела большую елку, в которой было глубокое дупло. Пройдя между широкими ветками, Она спряталась в дупле со Святым Младенцем. Когда воины их наконец

догнали, они нашли около ветвистой елки всего лишь кроткого старика, который спокойно собирал шишки. Обшарив всюду, они ни с чем вернулись домой.

Когда опасность миновала, Пресвятая Дева вышла из дупла со Святым Младенцем, Она была исполнена радостью, что даже смиренная неодушевленная тварь готова была послужить Святому Младенцу. В знак благодарности, Пресвятая Дева обратилась к пышной елке и сказала: “За твою услугу ты будешь круглый год сохранять свой зеленый наряд. Детки отныне будут радоваться тебе в память того, что ты сегодня спасла чудесного Младенца“.

И в самом деле, каждый год мы ставим наши рождественские елки и, сидя перед елкой, славим новорожденного Христа.

Комната без образа Божия

Некогда был святитель Антоний, архиепископ Воронежский, приглашен для освящения вновь отделанной залы одного общественного здания. Зала великолепная, собрание публики в ней было большое и знаменитое.

Преосвященный Антоний, прибывший в полдень прекрасного дня, вошел в залу, смотрит – нигде нет образа.

Тогда он и говорит начальствующим лицам: "Как мрачно в зале!"

Ему отвечают – "Сегодня день светлый!"

Владыка снова повторяет: "Мрачно у вас!"

Те пришли в недоумение.

Тогда архипастырь говорит: "Зала хорошая и богато убрана, да нет образа. Без образа как бы ни была украшена комната, а все будет мрачно."

Тотчас принесена была икона Христа Спасителя и тогда преосвященный освятил залу.

*Православный календарь
Храм Христа Спасителя в Москве*

Два богача

Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на помощь старых - я хвалю и умиляюсь. Но, и хвалю и умиляясь, не могу, я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту - племянницу в свой разорённый домишко. «- Возьмём мы Катьку, - говорила баба, - последние наши гроши на неё пойдут, - не на что будет соли купить, похлёбку посолить...» «- А мы её... и не солёную, - ответил мужик, её муж.»

Далеко Ротшильду до этого мужика.

Юмореска из старого календаря

Наш самовар тульской фабрики Батюшкова. Бережем его по-эмигрантски. Как-то стоял он на столе, когда к нам зашла соседская девочка Джин и, видя в первый раз самовар, начала рассматривать его со вниманием, со всех сторон. Насмотревшись на чудовище, Джин спросила меня: - "На каких состязаниях и где Вы получили такой прекрасный кубок?"

Л.Булгаков

